ТОРИ МАЙРОН
НА ПОВОДУ
у сердца
СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ
18+

Тори Майрон

На поводу у сердца

Серия «Бессердечные», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65631486
SelfPub; 2024

Аннотация

Может ли моя жизнь стать еще хуже? Когда-то я зареклась даже в мыслях не задаваться этим вопросом, ведь мне давным-давно известно – хуже может быть всегда. И один властный мужчина с мистической силой и одержимым желанием заполучить меня полностью подтверждает это суждение, а моя дурная привычка – врать чаще, чем дышать еще и добавляет моей жизни лишних проблем, с которыми совершенно не знаю, как справиться. Да и получится ли справиться вообще – неизвестно. Лишь одно я знаю точно – я не сдамся! Потому что я никогда не сдаюсь… По крайней мере, без боя.Продолжение истории «В ритме сердца».

Содержание

Пролог 5
Николина 5
Глава 1 18
Николина 18
Глава 2 34
Николина 34
Глава 3 47
Николина 47
Глава 4 67
Николина 67
Глава 5 76
Николина 76
Глава 6 101
Николина 101
Глава 7 122
Остин 123
Глава 8 142
Остин 142
Глава 9 153
Николина 153
Глава 10 175
Николина 175
Конец ознакомительного фрагмента. 178

Тори Майрон
На поводу у сердца

Вторая книга серии «Бессердечные»

Пролог

Николина

В ближайшем будущем…

– Да, хорошо. Я поняла. Сделаю так, как вы сказали, – максимально учтиво произносит светловолосая девушка.

Кладёт телефонную трубку обратно на место и переводит карий взор на меня.

– Вы можете пройти в кабинет, мисс Джеймс, и подождать там, – осведомляет секретарь тем же вежливым голосом, но на сей раз абсолютно неестественным.

Я ей не нравлюсь. Это без всяких слов понятно.

Стоило только войти в это высотное здание, располагающееся в самом центре Рокфорда, я сразу же почувствовала себя белой вороной. А когда поднялась на верхний этаж, оказавшись в светлом, современно оформленном холле, это неприятное ощущение лишь усилилось.

Своим простоватым видом я сильно выделяюсь на фоне офисных красоток и солидно одетых мужчин, которые смотрят на меня изучающе и явно думают, что я заблудившийся подросток.

Но я не заблудилась, а пришла точно по указанному в сообщении адресу и не уйду отсюда, пока не встречу того, кого

надеялась больше никогда не видеть.

Мне глубоко безразличны недоумённые взгляды всех работников и откровенный вопрос в глазах этой секретарши – что такая изнурённая замухрышка с бледным лицом и разбитой бровью, как я, могла забыть в приёмной президента многомиллиардной корпорации? Так же, как и её пренебрежительное оценивание моего внешнего вида меня нисколько не удивляет и уж тем более не задевает. Только если немного забавляет, когда я мысленно представляю вывалившиеся из орбит глаза блондинки, увидь она меня здесь в прежней пацанской одежде, если даже мой сегодняшний приталенный джинсовый сарафан и серебристые босоножки вызывают на её лице плохо скрываемое сочувствие.

Она явно привыкла быть всегда одета с иголочки в наряды исключительно брендовых лейблов – её строгий брючный костюм тёплого нюдового оттенка и элегантные лодочки на высоченных каблуках определённо в несколько раз превышают стоимость моей убогой квартиры.

– Желаете кофе или чай, мисс Джеймс? – продолжает свою рабочую фальшивую вежливость девушка, пропуская меня в просторный кабинет.

Лаконичный интерьер заставляет испытывать незримое присутствие хозяина помещения. Спокойные серые тона, минимум необходимой для офиса мебели и полное отсутствие декора и личных вещей. Всё строго, сдержанно, *бездушно*. Лишь окно во всю стену с видом на даунтаун придаёт

комнате немного живости и света.

«Да… смотреть на всех свысока – тоже его излюбленное дело», – в уме безрадостно усмехаюсь я, вглядываясь в обширную панораму города.

И секунды не проходит, как она мысленно отправляет меня на несколько недель назад. Туда, где эта высотная картина Рокфорда заворожила меня впервые.

Если бы тогда я только знала, чем закончится для меня тот вечер… *Если бы только знала.*

– Мисс?.. Вы мне ответите? – резкий голос секретарши, смеряющей меня ещё более неприязненным взглядом, заставляет собраться и затолкать болезненные воспоминания обратно в глубинный архив сознания, из которого им никогда нельзя позволять выбираться.

– Да… То есть… Нет, спасибо, мне ничего не надо, – хрипло выдавливаю я, принуждая себя хоть немного улыбнуться этой недовольной мымре.

– Хорошо, тогда я вас оставлю и вернусь к работе. Мистер Харт немного задержался на встрече, но он уже в пути, поэтому прибудет с минуты на минуту, – перед тем как закрыть за собой дверь, сообщает она красноречиво намекающим тоном, чтобы я даже не думала к чему-либо здесь прикасаться или ещё лучше – пытаться украсть.

Идиотка.

Неужели тот факт, что я выгляжу не так презентабельно, как она и все её важные коллеги, автоматически превращает

меня в воровку?

Я не собираюсь здесь ничего трогать. Даже смотреть ни на что не хочу. И, была бы моя воля, ноги моей бы здесь никогда не было. Однако Адам Харт не из тех, кто соизволяет поинтересоваться о чужих желаниях, и не тот, кто спрашивает и принимает отказы.

Нет.

Этот самодовольный властный наглец думает лишь о себе любимом и добивается желаемого любыми путями.

По-хорошему или по-плохому.

И я та *уникальная счастливица*, что сорвала джек-пот и ощутила на собственной шкуре оба этих варианта – его «по-хорошему» для меня было схоже с ядерной бомбой, после взрыва которой я до сих пор отчаянно пытаюсь собрать себя по крупицам воедино, а «по-плохому»… Что ж… Как видите, этот способ достижения цели мистера Харта оказался более рабочим.

Я добровольно пришла к этому бессердечному мужчине и покорно жду его прихода, чтобы сделать то, что в нашу последнюю встречу с ним поклялась никогда не делать.

Я пришла его просить.

Я пришла продаваться.

И хочу напомнить, что я бы никогда не пошла на подобную мерзость, будь у меня хоть один малейший шанс решить все проблемы иначе. Но шансов нет. Их никогда не было и не будет. Адам не позволит. А я не могу рисковать ещё больше,

особенно сейчас, когда он сумел отыскать моё слабое место и, правильно надавив на него, не оставить мне выбора.

Он выиграл.

Я проиграла.

И хотела бы я сказать, что наша игра наконец подошла к своему финалу. Но нет. Это только начало. Всё ещё только впереди. И как мне пережить следующие несколько месяцев с ним рядом – я честно не знаю. Но я должна это сделать – выдержать, чтобы наконец забыть о своём горьком, полном борьбы, нищеты и грязи прошлом и начать новую жизнь вдалеке от Рокфорда. *Вдалеке от него.*

Для того, чтобы выдержать нашу с ним интимную близость, оставив после истечения контракта от себя хоть что-то желающее продолжать дышать и двигаться, мне нужно всегда помнить одну важную истину: мои чувства и желание – всего лишь иллюзия его «очарования». Пустышка. Дурман, без которого нет ничего настоящего. Теперь я точно это знаю. Знаю. И никогда не должна об этом забывать.

Никаких чувств, никаких эмоций, никакого общения.

Это всего лишь работа. Ещё одна роль, которую мне нужно будет блестяще сыграть, притворившись той, кем я не являюсь. *Она* сделает всё, что пожелает её хозяин, пока Николина Джеймс внутри этой сдавшийся и покорной оболочки будет изо всех сил стараться не потерять себя настоящую.

Я не потеряю себя. Не потеряю. Не потеряю…

Пытаясь усмирить нервную дрожь в теле, одними губами

шепчу я и через пару десятков повторов этой успокоительной мантры вроде бы даже верить в неё начинаю. Жаль лишь, что совсем ненадолго.

Стоит только услышать за спиной звук открывающейся двери и ощутить, как воздух в комнате в одно мгновенье превращается в пекло преисподней, я понимаю – *лишь только грёбаное чудо будет способно мне помочь остаться собой после этой работы.*

– Нет, я сказал, нам это не подходит. Ищи другие варианты, – его низкий голос прошибает меня до костей одновременно и жаром, и ознобом.

Разговаривая с кем-то по телефону, Харт закрывает за собой дверь и, не бросив на меня даже мимолётного взгляда, уверенно и абсолютно спокойно направляется к своему рабочему месту.

Во мне же тем временем разгорается настоящая битва между сознанием и телом, что мгновенно реагирует на его присутствие. С первым же вдохом знакомого аромата мужского парфюма мои лёгкие обжигает огнём, а сердце резво подлетает к горлу и, ускорив свой ритм, наполняет все вены сладким, жарким томлением.

Чёртово тело предаёт меня, даже несмотря на всю боль, ненависть и злобу, что на протяжении последних недель захлёстывали меня с головой каждый раз, когда Адам напоминал о себе не только в реальной жизни, но и в кратковременных галлюцинациях.

Но даже не это самое страшное и неподвластное моему контролю, а то, что я смотрю на его статную мужественную фигуру, до невозможности красивое лицо и вечно безукоризненный образ успешного бизнесмена и мечтаю треснуть себе по голове кочергой. Да как можно сильнее, чтобы разом отключить всепоглощающий трепет и чёткое ощущение тоски, прорывающей острыми когтями мне всю душу насквозь.

Я не скучала по нему. Это всё неправда. Неправда.

Не скучала по чёрным горящим глазам, что так легко и изящно обманули меня. Не скучала по смоляным волосам, мягкость которых мои пальцы до сих пор прекрасно помнят. Не скучала по губам, способным как усыпать всё тело нежными поцелуями, так и покрыть его болезненными метками. И по запаху его пьянящему, которым пропахла в тот вечер настолько, что стереть с себя смогу, скорее всего, лишь содрав верхний слой кожи, я тоже ни капли не скучала.

Нет этой тоски. Нет желания. Нет ничего. Есть только его магия.

– Надеюсь, ты всё понял. Позвони, как только проверишь их материалы, – строго чеканит Харт.

Сбрасывает вызов и, словно только сейчас вспомнив о моём присутствии, наконец обращает на меня свой равнодушный взгляд.

– У тебя пятнадцать минут, Джеймс. Советую не терять времени и сразу переходить к делу. Зачем ты пришла? – спрашивает сволочь бесцветно-ровным голосом, будто не он

сделал всё возможное, лишь бы я здесь оказалась с настойчивым желанием плясать под его дудку.

Быть сильной. Быть равнодушной. Не показывать ему гнева, раздражения и всецелого отторжения всего происходящего. Помнить, для чего и самое главное – ради кого я сюда явилась.

Именно такие клятвы я дала себе и по дороге в его офис раз за разом повторяла. Я должна сыграть по его правилам и сказать всё, что он так жаждет услышать. Должна, невзирая на съедающее меня чувство унижения. Должна, иначе не смогу спасти любимого мне человека.

– Я пришла просить тебя нанять меня на работу, – сдержанно заявляю я, с остервенением сжимая в кулаках ткань сарафана.

Уголки губ мистера Харта слегка приподнимаются в усмешке.

– Ну раз пришла, тогда проси. Времени у тебя осталось немного, – он откидывается на спинку рабочего кресла, устремляя на меня выжидающий взгляд.

И он молниеносно превращает всю кровь в теле в огненную лаву.

Всё нормально. Меня его сила больше не пугает. Я знаю, как с ней справиться. Моё желание к нему нереально.

Ни на секунду не теряя здравомыслия и цели, ради которой я сюда пришла, всего на миг я прикрываю веки и тихо выдыхаю, собирая все моральные силы в кулак.

– Пожалуйста, Адам, возьми меня к себе на работу, – с максимально умоляющей интонацией выдавливаю из себя эту жалкую просьбу, нещадно кусая себе щёку изнутри, чтобы не застонать от ощущения тотальной потери собственной гордости.

– И почему я должен это делать? В прошлый раз ты мне ясно дала понять, что никогда не попросишь об этом, – ехидно ухмыляется он в нарочитом стремлении разбередить мою бунтарскую сущность.

Но ничего не выйдет – он сам лично дал мне непоколебимый мотив выполнить всё так, как надо, и суметь не поддаться его провокациям.

– Я была не права. Совсем не права, Адам, но я поняла свою ошибку и потому прошу тебя: возьми меня на работу, ведь единственное, чего я очень сильно хочу, – это доставлять тебе удовольствие везде, всегда и только так, как ты того пожелаешь.

Эти омерзительные слова вызывают нестерпимый зуд на языке и острое желание как можно быстрее промыть весь рот с мылом.

– Уверена, что сама этого хочешь? – Адам плавно приподнимается с кресла, обходит массивный стол и встаёт за моей спиной практически вплотную.

Я непроизвольно напрягаюсь и на несколько секунд перестаю дышать, ощущая крепость и жар мужского тела вместе с чарующим шлейфом его «притяжения».

– Уверена, – справившись с очередным стихийным наплывом возбуждения выдыхаю я и получаю короткую усмешку возле своего уха.

– Не верю, Джеймс. Будь убедительнее, я ведь знаю, ты это умеешь.

Его пламенный шёпот вытягивает из памяти постыдные кадры моих действий во время нашей последней встречи. Они едва не срывают с моих губ протяжный всхлип, пропитанный стыдом и безмерной злостью.

– Мне на колени встать и попросить, чтобы ты поверил? – цежу сквозь зубы я, довольно резко поворачиваясь к нему передом.

Запрокидываю голову, чтобы взглянуть в безэмоциональное лицо дьявола, который смотрит на меня в ответ с высоты своего почти двухметрового роста и как будто раздумывает о чём-то своём, параллельно опутывая меня теплыми сетями своего мистического взгляда.

Да… именно это тепло и стало тем самым главным обманом, что раскроил мне сердце и вывернул всю душу наизнанку. Вовсе не любовь горит в его зрачках чернильных, не влюблённость и даже не симпатия… а похоть – одержимая, звериная, противоестественная. Она не позволит мне вытурить Адама Харта из своей жизни, пока я не дам ему насытиться собой сполна.

– Ответьте мне, пожалуйста, мистер Харт, – смягчив голос, я разрываю затянувшееся между нами молчание. – Мне

на колени встать и попросить? Скажите – и я это сделаю. Любой ваш приказ выполню незамедлительно и без каких-либо возражений. Приеду, куда потребуете, встану в любую позу, в рот возьму так глубоко, как вы того пожелаете, лишь бы вас полностью удовлетворили мои услуги. Прошу, возьмите меня на работу, и, клянусь, ваше наслаждение станет для меня главным смыслом жизни, – проговариваю твёрдо, без запинок и дрожи в голосе, пока в груди будто ядовитой кислотой прожигает, превращая все внутренности в комки раскалённого пепла.

Детально сканируя моё лицо, Харт продолжает пребывать в полном молчании, заставляя меня отсчитывать скоростные удары сердца, что отдаются болью в каждой клетке тела. Когда же он внезапно приподнимает свою руку к моей брови и слегка касается продольной раны, меня точно электрошокером прошибает от головы до пят, вынуждая резко ухватиться за его запястье.

И снова всё повторяется: время теряет своё значение, мир утрачивает чёткость, пока мы переплетаемся в поединке пронзительных взглядов, одинаково сильно не желая друг другу уступать.

Разница между нами лишь в том, что для него это ничего не значит и не составляет особого труда запускать свою тьму мне под кожу, подчинять ментально, отравлять всё тело своей мужской энергией и мистическим шармом. Для меня же смотреть в его обсидианы – это ежесекундная, упорная,

истязающая душу в лохмотья борьба, которая дурманит мой разум, подрывая всю уверенность в том, что он для меня на самом деле ничего не значит… так же, как и я для него.

Это всё неправда! Между нами нет ничего настоящего. Помни об этом, Ники. Помни!

– Давайте договоримся, мистер Харт, – не выдержав нашего зрительного состязания, выдаю сквозь судорожный выдох. – Вы сможете прикасаться ко мне, как и когда вам заблагорассудиться, но только после того, как наш рабочий контракт вступит в силу. Если, конечно, вы соизволите согласиться принять меня в свой многочисленный штат сотрудников.

Я резко отстраняю его руку от своего лица, ощущая, как атмосфера в комнате накаляется до опасной отметки, когда в черноте его глаз проявляется злость.

Злись, Адам, злись сколько влезет. Можешь хоть сгореть в костре своей ярости. Это всё равно не сравнится с тем, что ты заставил меня пережить, и тем, что мне ещё както предстоит вытерпеть.

Мне кажется, или я даже улыбаться немного начинаю? По ходу, да. Обидно только, что этот мастер контроля над эмоциями долго насладиться видом своей злости не позволяет.

Как всегда, он с завидной лёгкостью справляется с негодованием и вновь смеряет меня снисходительным взглядом. Таким бездушным, словно не на человека смотрит, а оценивает качество товара, который планирует приобрести. Хо-

тя… именно этим я для него и являюсь – ничего не значащей безделушкой, которую он будет трахать в любое время суток, в любом месте, наслаждаясь эффектом своей силы до тех пор, пока не надоест.

Но у меня уже было время смириться с этим гадким фактом, который чуть было вконец не сломил меня. Я смогла найти в себе силы вернуть себя к жизни, прикрепив мысленную заметку о том, что когда-нибудь, возможно, я стану особенной для кого-то другого мужчины. И он будет искренне любить не только моё тело, а именно меня, такой, какая я есть, со всеми достоинствами и недостатками.

Но этим мужчиной никогда не будет Адам Харт. Он получит моё тело, но ещё раз испепелить мне всю душу я ему не позволю!

Терпеливо и стойко выдержав его пристальный взгляд, я разрешаю себе облегчённо выдохнуть, а телу – отмереть, лишь когда он завершает тщательный осмотр будущего приобретения и возвращается к рабочему столу, тут же нажимая на кнопку стационарного телефона.

– Сара, перенеси мою встречу с Грегором на другой день, – монотонно проговаривает Адам.

Растягивает губы в своей фирменной страшно-красивой улыбке и смотрит на меня.

– Присаживайтесь, мисс Джеймс, и мы прямо сейчас приступим к обсуждению условий вашего *счастливого* контракта.

Глава 1

Николина

Спустя несколько дней после благотворительного приёма Роберта Харта.

Может ли моя жизнь стать ещё хуже?

Когда-то я зареклась даже в мыслях не задаваться этим вопросом, ведь мне давным-давно известно – хуже может быть всегда.

Но что мне неизвестно, так это когда же наконец станет лучше? Хоть на немного? Должен же существовать некий предел чёрной полосы неудач, достигнув которого, наконец наступает белая и все существующие проблемы начинают плавно снижать свои обороты. Не могу же я быть настолько невезучей, что в моей жизни всегда всё будет только неумолимо скатываться по крутому наклону вниз, без единой возможности подняться хоть на одну ступеньку выше.

После того проклятого вечера, что из сказочного сна вмиг превратился в один из самых страшных кошмаров моей жизни, я день за днём хожу словно неживая. И, говоря это, я в прямом смысле имею это в виду.

После побега от Харта и нечеловеческой душевной агонии, которую его сила заставила меня пережить, я ощущаю

себя пустой, безэмоциональной, непроницаемой для любых внешних раздражителей. Я думала, что полное опустошение и безразличие ко всему вокруг по своему обычаю быстро сменится неконтролируемой яростью, но нет. Ничего подобного. Даже спустя больше недели вспышек гнева я в себе так и не наблюдаю. Как, впрочем, и любых других эмоций, и потому каждый день я проживаю точно робот, выполняющий все действия на автопилоте.

Но, наверное, оно и к лучшему. Не знаю, как бы я справилась с возросшим объёмом дерьма в своей жизни, если бы не пребывала в этом эмоционально коматозном состоянии.

Теперь меня совершенно перестал выводить из себя пьяный балаган в доме, а за всю прошедшую неделю у нас с Филиппом не произошло ни единой стычки, что за всё время нашего сожительства является абсолютным рекордом. Также меня нисколько не заботит моральная травля моих стервозных коллег в стриптиз-клубе, которые, узнав о незаслуженно (по их мнению) щедрой премии и благосклонном отношении Эрика ко мне, поставили себе цель за спиной боссов устроить мне «сладкую» жизнь на работе.

И вроде бы они уже давно должны были угомониться, ведь с той ночи, когда я сбежала из приватной комнаты, прошёл почти месяц, но почему-то по сей день не проходит и смены без их косых взглядов в мой адрес, едких комментариев, постоянного разбрасывания моих личных вещей по всей гримёрной и якобы нечаянных толчков и подножек, из-за кото-

рых я пару раз чуть было не подвернула ногу и определённо точно заработала несколько синяков.

Серьёзно, звучит как детский сад, группа – ясли, но вот с такими недалёкими суками мне приходиться работать каждую ночь. И при обычном своём взрывном характере я бы давно поразукрашивала всем паскудным девкам их лица. Однако сейчас, когда я ни в какую не могу найти тот самый спасательный лучик света, что разжёг бы во мне желание жить, мне не составляет никакого труда полностью игнорировать все выпады стриптизёрш в мой адрес.

Но и это не самое дерьмовое изменение, произошедшее в моей «прекрасной» повседневности, что без моего нового безжизненного режима давно бы лишило меня всех нервных клеток и точно довело до убийства.

Как мы и договаривались с Марком после неожиданной встречи с ним на приёме – за его молчание я должна удерживать свою неприязнь к нему при себе, скрывать от Эмилии все его похождения и, самое унизительное, – быть его «девочкой на побегушках». И, знаете, это словосочетание Марк оправдывает с лихвой, отрываясь на мне по полной программе.

Каждое утро, когда я возвращаюсь домой после изнурительной рабочей ночи, мне светит поспать лишь до момента, когда О Великий Эндрюз проснётся после очередной тусовки и начнет изводить меня своими поручениями. Он в самом деле трезвонит мне по любому поводу, чтобы использовать

меня, как свою прислугу. Теперь мой день состоит из походов в магазин за продуктами или ради всего лишь одной упаковки пива, приготовления еды для этого мудака, мойки его машины, уборки в квартире после развязных тусовок, стирки одежды, глажки и так далее…

И каждый раз во время исполнения моих обязанностей Марк не забывает попутно докучать меня своими нескончаемыми издёвками, пошлыми шуточками, шлепками по заду, тесными объятиями и гадкими намеками на «дружеский перепихон».

Без всяких сомнений, если бы не моя всецелая отчуждённость от мира сего, лишь от одной этой его любимой фразочки я придушила бы гада в первый же день своего рабства.

Но сукину сыну Эндрюзу несказанно везёт: даже сейчас, когда вместо сна после бесконечной рабочей ночи я зачем-то жду его уже больше часа на парковке торгового центра под палящим солнцем, внутри меня ничего не колышется. Во-о-обще! Ни одной ядерной эмоции, что призвала бы меня немедленно расправиться с уродом. Полнейший штиль, ни одного дуновения ветра.

Единственное, что не покидает меня ни на секунду с того самого дня, когда я в последний раз видела Адама, – это постоянное ощущение чужих глаз на себе. Сколько бы я ни оглядывалась по сторонам, пытаясь обнаружить приставленного ко мне Хартом человека, мне так и не удалось этого сделать. Но оно мне и не надо – даже не видя фигуры этого ма-

стера конспирации, я всем своим поникшим нутром и телом осязаю круглосуточную слежку за собой.

Я хочу разозлиться, выйти из себя, возненавидеть всем сердцем Адама Харта за то, что он позволяет себе подобные вопиющие действия, что нарушают все допустимые правила и границы моей личной жизни, но опять-таки никак не могу… Он сам лишил меня возможности чувствовать хоть что-то, кроме тягостного предчувствия беды.

Я точно знаю – он способен сделать всё что угодно, лишь бы заполучить *уникальную* в своём роде девчонку, способную подарить ему сверхъестественный кайф. И, как бы прискорбно это ни звучало, мне ничего другого не остаётся, как только пребывать в пассивном ожидании его очередного удара и быть полностью готовой его пережить.

Не представляю, что ждёт меня впереди, но я не намерена сдаваться. Адам может добивать меня любыми хитроумными способами, но я никогда ему не продамся. Никогда не позволю использовать себя как покорную, бездушную куклу. Ведь даже чувствуя себя сейчас в точности как моя защитная маска «Аннабель», я с уверенностью могу произнести то, что повторяла самой себе уже миллионы тысяч раз:

Я – не Она. И никогда ей не буду.

И никакие запредельные суммы денег не заставят меня стать ею в угоду мистеру Харту. Он может смело засунуть всю кучку своих зелёных бумажек вместе со всеми сексуальными желаниями глубоко себе в зад и начать искать другую

мечтательницу о роскошной жизни, что будет добровольно и с превеликой радостью его ублажать.

– Никс! Какая умница! Уже здесь! – громкое неожиданное восклицание недоумка разом вырывает меня из гнетущих раздумий, напрочь оглушая моё правое ухо.

– Боже! Зачем же так кричать, Эндрюз? – оборачиваюсь к нему, жмурясь от пульсирующей боли в висках. – И что значит «уже здесь»? Я тебя вообще-то хренову тучу времени жду возле входа, как собака, – и мой недовольный голос очень даже напоминает собой собачий хриплый лай.

– Ты чего такая хмурая, подруженька? Неужели этой ночью не удалось вытрясти из мужиков приличную сумму деньжат? – в своей обычной манере ёрничает мудак.

От его ослепительной улыбки в совокупности с не пойми откуда берущейся энергией я ощущаю себя ещё более уставшей.

– Марк, можешь ты хотя бы сегодня заткнуться и не доставать меня свой гадкой болтовнёй? Тебе мало того, что ты и так каждый день не даёшь мне поспать больше трёх часов? – тяжело выдыхаю я, спасая рукой сонные глаза от яркого солнечного света.

– Во-первых, не забывайся, Никс, и сделай тон попроще, а, во-вторых, я спал сегодня примерно столько же и, как видишь, в отличие от тебя, полон сил и радости, – он перекидывает свою тяжеленную лапу мне через плечо, теперь придавливая меня не только морально, но ещё и физически.

– Я неимоверно счастлива за тебя, Эндрюз, хотя, честно, слабо представляю, как тебе удаётся по ночам употреблять всякую гадость и пить не просыхая, а наутро как ни в чём не бывало выглядеть свежее огурца? – с трудом скидывая с себя его лапень, констатирую очевидный факт и оглядываю внешний вид парня.

Небрежно уложенные тёмные волосы, здоровый цвет лица, полное отсутствие мешков под глазами или каких-либо признаков буйной пьянки. Самодовольная улыбочка, от которой текут практически все девчонки. Синие, потёртые в нескольких местах джинсы и белоснежная футболка, обтягивающая его высокую и какого-то лешего идеально сложенную из крепких мышц фигуру.

Честное слово, не знала бы я наверняка, что он отъявленный бухарь и тусовщик, без сомнений подумала бы, что передо мной стоит профессиональный спортсмен, придерживающийся здорового образа жизни.

– А теперь слушай и внимай элементарному секрету моего прекрасного самочувствия, – он вытягивает из кармана пачку сигарет и закуривает. – Каждую гулянку нужно не только бухать, но и проводить с пользой для организма. Отменный трах в конце каждой тусовки – и в продолжительном сне отпадает всякая необходимость. Так что тебе, Никс, как никому другому, настоятельно советую последовать моему рецепту восстановления энергии – уединись наконец с кем-то из клиентиков в приватной комнате и совмести приятное

с полезным… ах, да… в твоём случае еще и прибыльным. Считай, вообще тройное комбо урвёшь, – жадно затягиваясь никотином, ухмыляется гад, нарочно надавливая на моё больное место.

Однако, как и во все предыдущие разы его попыток меня зацепить, я опять ничего не чувствую и спокойно отвечаю:

– Я всё-таки предпочту восстановить силы продолжительным сном, если ты хоть когда-нибудь позволишь мне это сделать.

– Точно? Может, всё же подумаешь над этим? Раз Харт на твоём горизонте больше не маячит, я даже готов помочь тебе в этом деле, – произносит Марк с вкрадчивой хрипотцой.

А я искренне поражаюсь тому, что даже *Его* имя нисколько не находит в моей душе отклик. Там полное онемение.

– Давай я нагряну в клуб прямо этой ночью. Что скажешь? Как раз давно не наведывался в «Атриум». И даю слово, – он прикладывает ладонь к своей груди. – Я буду очень щедрым с тобой. Готов много заплатить, чтобы ты дала себя потрогать как следует, раз бесплатно сделать этого не позволяешь.

Наклонившись к моему лицу, мудак выдыхает в меня струю дыма и насмешливо поигрывает бровями, ожидая от меня взрывной реакции, но тут же хмурится, когда вновь её не получает.

– Спасибо за твой порыв помочь мне, *дружочек*, но я как-нибудь справлюсь без твоей щедрости.

Развеяв ладонью облако табачного дыма, надавливаю на

его лоб, выталкивая физиономию Марка из своей зоны комфорта. Скрещиваю руки на груди и поистине наслаждаюсь его откровенным недоумением, смешанным с весомой долей раздражения.

Это помогает мне слегка улыбнуться. И между прочем это уже чудо, ведь даже тень улыбки в последние дни категорично отказывалась появляться на моём лице.

– Ладно. Моё дело предложить, – он замолкает на мгновенье в задумчивом прищуре, явно не планируя сдаваться. – Тогда лучше проведу сегодняшнюю ночь с Эми… Думаю, она успела сильно соскучиться по мне. Столько сообщений и пропущенных звонков от неё, что, боюсь, мой телефон скоро не выдержит. На этой неделе совсем не получалось встретиться с ней из-за чересчур плотного графика после заката. В эти дни случайно повстречал таких горячих красоток, что никак не мог от них отказаться. Сама же понимаешь, Эми будет ждать сколько потребуется, другие же шалуньи могут ускакать в любой момент, а я не могу допустить подобных потерь, – на одном дыхании пропевает Марк, за долю секунды стирая с моих губ и так скудную улыбку.

А он хорош… кобель недоделанный.

Его мерзкие откровения свинцовой тяжестью оседают в моей груди от давящего чувства вины перед Эми. Но, увы, этого всё равно мало, чтобы разжечь во мне желание вспылить ему в ответ в свойственной мне манере.

– Ты хотя бы предохраняться не забывай, чтобы не награ-

дить Эми какой-нибудь венерической заразой, – монотонно бормочу я.

И в сотый раз в уме обдумываю, как же мне открыть подруге глаза на истинную личину её ненаглядного принца так, чтобы и её влюблённый мозг наверняка поверил моим словам, и договор с Марком при этом не нарушить? Как, мать его, мне это сделать? Пока нет ни малейших идей. Сплошной тупик и безысходность, что лишь ещё глубже погружает меня в безэмоциональную яму.

– Да какого хрена ты такая спокойная?! Ты что, каких-то транквилизаторов наглатываешься перед встречей со мной? – в свою очередь Марк знатно вспыхивает от моей флегматичной реакции, что не может не радовать.

Знала бы я раньше, как быстро вывести этого придурка из себя, сразу бы превратилась в само воплощение спокойствия.

– Ты хотел, чтобы впредь я была с тобой «белой и пушистой». Твои слова? Твои. Так чем ты сейчас недоволен?

– Не думал, что это будет раздражать меня больше, чем твоя буйность, – вполголоса бормочет он, делая последнюю глубокую затяжку вплоть до самого фильтра.

– Ну уж прости. Тебе не угодить. Но вообще отставим лишние разговоры в сторону, и лучше объясни – на кой чёрт ты мне сказал сюда приехать? – указываю на один их крупнейших торговых центров Рокфорда.

– Ну… Для начала чтобы позавтракать. Жрать хочу – сей-

час умру просто, – одной рукой он проводит по своему животу, второй небрежно схватывает меня за локоть и тянет за собой к главному входу.

– И что? Ты меня позвал, чтобы я с ложечки тебя покормила? Не перебарщиваешь ли ты со своим желанием насолить мне, Марк?

– Я тебя умоляю, Никс, – фыркает он. – С ложечки меня покормить я точно попрошу кого-нибудь другого. Я же сказал – это для начала, а потом мы с тобой пойдём по магазинам. Нужно прикупить новой одежды.

– По магазинам? Ты стебаешься? – изумляюсь я.

Но его отрицательное покачивание головой даёт понять, что он говорит вполне серьёзно.

– В таком случае я тем более не понимаю необходимости в моём присутствии. Тебе разве ещё нужно объяснять, что знаток модных тенденций из меня такой же, как из тебя верный, моногамный партнёр? Или мне гору пакетов за тобой таскать придётся? – выдвигаю своё предположение насмешливым тоном, хотя подсознательно ожидаю от Марка чего угодно.

– Да расслабься ты и прекрати паясничать. Гору пакетов, может, и будешь таскать, но лишь потому, что новую одежду будем покупать тебе, а не мне.

Вношу поправку: я ожидала от него чего угодно, кроме подобного заявления.

– Чего? – неожиданно даже для самой себя повышаю го-

лос и резко останавливаюсь посреди стеклянного зала универмага, вырывая руку из его хватки.

– Чего-чего? Давай ты не будешь сейчас оправдывать сформировавшиеся о блондинках стереотипы и попытаешься усвоить мою информацию с первого раза. Одежду будем тебе покупать.

– Какого чёрта?!

– Тебе нужно сменить своё пацанское тряпьё, – заявляет он, с презрением оглядывая мою простенькую широкую майку и мешковатые штаны, которые первыми попались мне под руку при выходе из дома.

– Ты ничего не попутал? Нужно ли менять своё тряпье или нет – решать мне, Марк. А я решаю, что в этом нет никакой необходимости, – категорично бросаю я.

Эндрюз лишь в сотый раз натягивает на себя самую ненавистную мне ухмылку.

– Нет, дорогуша моя, ты ошибаешься. Тебе крайне необходимо избавиться от этого безобразного облика. И уже очень-очень давно. И, раз уж теперь мы с тобой закадычные друзья и ты будешь ежедневно маячить перед моим носом, я хочу видеть твою красоту и прекрасные изгибы, а не вот этот вот бомжацкий шлак, что ты на себя постоянно натягиваешь, – он схватывает ткань моей свободной майки и небрежно оттягивает. – Я вообще не понимаю, какого хрена ты прячешь себя за всем этим балахоном?

– Не понимаешь – и не надо! Меня полностью устраивает

моя одежда. Я не позволю тебе меня менять.

Хватило с меня преображений в утончённую леди! Не собираюсь я переодеваться в ещё один ненужный мне образ всего лишь из-за прихоти очередного самодовольного козла, который решил, будто имеет права вносить в мою внешность коррективы, меняя меня на свой вкус и лад.

– Я не менять тебя хочу, Никс, а всего лишь освободить из этого убогого шмотья тебя настоящую, – проникновенно произносит он, вынуждая меня на несколько секунд опешить. – Ты же настоящая конфетка, которая обмотала себя совсем непривлекательной обёрткой. А так нельзя. Моё зрение не выдержит и дальше смотреть на подобное преступление. Ты хоть и стерва редкостная и бесишь меня до невозможности, но я не могу не признать – фигура у тебя просто огнище! Поэтому с этого дня хочу, чтобы ты не только прислуживала мне, но и глаза радовала своими аппетитными формами. А то вот от этого твоего прикида ни одна часть моего тела радоваться и пребывать в приподнятом настроении не может, – он кривится в сочувственно-брезгливой гримасе, заставляя меня ещё сильнее насупиться.

– И ты думаешь, твоё «приподнятое настроение» меня заботит? – сдавленно цежу я, отчаянно мечтая вернуть себе способность горячо и пылко протестовать.

– Ещё как заботит, Никс. И ты точно сегодня с утра несколько извилин на подушке оставила, раз не догоняешь, что от моего настроения зависит – раскрою ли я твой гряз-

ный секрет Остину или нет. А насколько ты помнишь, он со дня на день должен вернуться в Рокфорд. Так что не в твоих интересах перечить мне перед его приездом после целой недели безукоризненного выполнения всех моих прихотей. Тем более ничего ужасного я тебя сделать не прошу.

– Ещё как просишь! Я не хочу ничего в себе менять!.. Не хочу! Мне и так прекрасно!

– Да как может быть прекрасно вечно напяливать на себя эти мешки? Мне даже страшно представить, что за нижнее бельё на тебе надето. Неужто бабушкины панталоны, – никого не стесняясь, он бесцеремонно оттягивает резинку моих штанов, порываясь заглянуть внутрь.

– Ты совсем охренел?! – хлёстко ударяю по его наглым рукам. – В твоей башке, что ли, совсем нет никаких понятий о нормах приличия? Мы вообще-то в торговом центре посреди сотен людей стоим.

– Ну ты же не постеснялась в таком виде сюда прийти, так что мои неприличные манеры – всего лишь цветочки на фоне твоего аутфита. Да и вообще, что ты за девка такая нестандартная? Любая другая на твоём месте уже верещала бы от счастья. Тебе предлагают пошопиться от души, а ты ноешь и противишься, как какой-то напасти, – весьма искренне недоумевает Эндрюз.

– Потому что мне не нужно этого. Наряжай всех остальных своих девок, а меня не надо. Не хочу я! Да и в Энглвуде в таком виде мне безопаснее, – проявляю жалкую попытку

избежать его планов, но Марк лишь картинно закатывает серые глаза.

– Ой, вот только не надо нести эту чепуху, Никс. Тебе давно нечего бояться в Энглвуде. Ты кому угодно дашь отпор или самолично зарежешь. Эта отмазка – настоящий бред сивой кобылы.

– У меня нет лишних денег, – не сдаюсь я.

– Эта тоже не катит. Оплачивать всё буду я, так же как и выбирать все наряды тоже буду я, – хитро улыбается он.

– Марк! Ты не имеешь права!

– Ещё как имею. Ты и сама это знаешь! Так что всё, завязывай перечить своему боссу и продолжать морить его голодом. Иначе моё настроение рухнет ниже плинтуса, и я сейчас же позвоню Остину, – угрожает Эндрюз, вертя перед моим носом своим смартфоном.

– Ты не сделаешь этого!

– Спорим, детка? – он выискивает нужный номер.

– Ты говорил о трёх пунктах, которые я должна выполнять за твоё молчание, и смены имиджа в них не было, – напоминаю о нашем соглашении, но этот мерзавец уже нажимает на кнопку вызова и включает громкую связь.

Меня хватает на три протяжных гудка, и я резко вырываю из его рук телефон, отменяя вызов.

– М-м-м… – то ли хриплю, то ли мычу от негодования, запрокидывая голову назад, но в итоге всё-таки капитулирую: – Чёрт! Ладно! Твоя взяла, Эндрюз!

– Малышка Никс согласна?! – торжественно улыбается он.

– Ни черта я не согласна, но вариантов ты мне не оставляешь, – бурчу я и вдруг отмечаю, что, несмотря на нейтральную тональность голоса, в области рёбер что-то начинает назойливо скрести, заставляя меня впервые за всю неделю ощутить что-то похожее на раздражение.

Ничего себе!.. Неужели у Марка всё-таки получится по новой запустить мою буйную версию?

– Вот и отлично! Пошли похаваем и приступим создавать из тебя настоящую девушку, – он хватает мне за руку и вновь тащит за собой. – И да, вот этого птичьего гнезда на твоей голове я тоже видеть больше не желаю, – он имеет в виду мою высокую, быстро сделанную кульку на макушке.

– Ау-у! Ма-а-арк! – издаю протяжный стон, когда он резко стягивает с моих волос резинку, вырывая несколько прядей.

– Простите, мадам, но на это невозможно было смотреть. Такие волосы шикарные, а ты даже их умудряешься превратить в безобразный улей. Тотальный пиз*ец! – недовольно морщится он.

Я до скрежета сцепляю зубы и тяжело вздыхаю.

Если ему сегодня наконец удастся пробудить демона внутри меня, то, клянусь, мой кулак тут же встретится с его идеально ровным носом. И в этот раз стопроцентно сломает его.

И похер мне, что будет после!

Глава 2

Николина

В сотый раз за свои двадцать лет жизни мне с прискорбием приходится признать, что нет на этом свете ни грамма справедливости. Ведь если бы она была, то за широкой спиной такого мерзавца, как Эндрюз, не стоял бы столь мощный ангел-хранитель, который то и дело уберегает его смазливое лицо от моих побоев.

Как бы Марк сегодня ни доставал меня во время шопинга, возродить моё буйство поганцу так и не удалось. Хотя, чёрт побери, я ждала этого с таким нетерпением, с каким дети обычно ждут рождественского утра. Но, увы, так и не дождалась. И уже через час наших походов по магазинам я была готова лезть на стенку от бессилия и неспособности поставить его на место как физическим, так и словесным путём.

И, как назло, вдобавок ко всему моё наивное предположение о том, что Марк прикупит мне всего лишь пару развратных вещиц, и я тут же смогу избавиться от его общества, быстро развеялись в пыль. Он заставил меня провести с ним в торговом центре несколько часов. И пусть Эндрюзу не удалось пробудить во мне гнев и агрессию, должна сказать – удивить меня у него получилось отменно.

Я даже подумать не могла, что один из самых отвратительных людей в моей жизни не только накупит мне одежды на все случаи жизни, но и сможет с таким вдохновеньем подойти к подбору гармоничных для меня образов.

Оказываясь в очередном бутике, Марку требовалась всего пара минут, чтобы выбрать подходящие для меня вещи. Причём как в размерах, так и в цветовой палитре и фасоне, что идеально подчёркивает сильные стороны моего тела. И самое поразительное – ни в одном из нарядов я не выглядела вызывающе или пошло. Скорее изящно и женственно, а временами даже мило и романтично.

И, возможно, я бы даже получила удовольствие от процесса, если бы Эндрюз на протяжении всего шопинга не вёл себя в своём обычном репертуаре, а точнее как конченый похотливый мудак.

– Приехали! Давай на выход, детка, – бросает Марк, остановившись возле моего подъезда.

– Я же просила тебя так меня не называть! – шиплю я, оглядываясь по сторонам, проверяя, чтобы поблизости не было народа.

– Боже, Никс, ты хоть когда-нибудь бываешь чем-то довольна? – шумно вздыхает он, глуша мотор и поворачиваясь ко мне корпусом. – Мы же с тобой так прекрасно провели сегодня время: выпустили эти белокурые пряди из безобразной клетки, избавились от твоего страшного шмотья и накупили гору новой одежды, что проявляет всему миру твою

аппетитную попку и охренительные сиськи, а ты всё равно продолжаешь сидеть с кислой миной.

– Ага. Это то, что видишь ты, Марк. Я же в основном помню лишь твои вечные колкости, похабные комментарии, наглые лапы на себе во время переодеваний и, конечно же, нескончаемые подкаты к поголовно каждой девушке в магазине, – язвительно перечисляю список его сегодняшних отвратительных действий. – Вот объясни мне: как можно быть таким неугомонным и нестись, задрав хвост пистолетом, за каждой встречной, в то время как самая прекрасная, добрая и наивная девушка в мире, любящая тебя всем сердцем, не устаёт разрывать твой телефон звонками и явно переживает, куда ты целыми днями пропадаешь? Неужели в тебе нет хоть немного совести?

– Почему это нет? – фальшиво возмущается он. – Ещё как есть, именно поэтому я сегодня обязательно навещу мою терпеливую девочку. И ты уж не волнуйся, Никс, я буду с особым энтузиазмом заглаживать свою вину за то, что в последние дни не находил на неё времени. Вот увидишь, она в два счёта забудет все обиды и простит меня, – самоуверенно заявляет кусок дерьма, мигом повышая во мне объём раздражения.

– Дьявол, Эндрюз! – выдаю жалкую версию злостного возгласа. – Ну что ты за человек такой? Зачем нужно так с ней поступать? Ты же получил от неё то, что хотел, так почему просто не расстаться с Эми, а потом уже продолжать свои

приключения с другими девками в статусе свободного парня?

– Ты опять суёшь нос не в своё дело, Никс.

– Это очень даже моё дело. Эми – моя лучшая и единственная подруга. И, раз уж ты вынуждаешь меня бессовестно врать ей, может, хотя бы объяснишь, почему ты так ведёшь себя с ней? Ты всегда был редкостной сволочью с девушками, но, по крайней мере, честной сволочью. Насколько мне известно, ты никогда не давал никому ложных обещаний, не обманывал и уже тем более не вступал в отношения. Так в чём же на этот раз дело?

– Дело в том, что мне просто очень сильно нравится Эми. Вот и всё, – совершенно спокойно заверяет он.

– Очень сильно нравится? И при этом ты продолжаешь трахаться со всеми подряд направо и налево? Какое-то странное у тебя понятие о симпатии.

– Какое есть, такое есть. Другого не дано, – беззаботно пожимает плечами.

– Ты отвратительный, Марк, – не выдержав, недовольно бурчу себе под нос.

Он отвратительный, а я ещё хуже. Гореть мне в аду за это умалчивание о его изменах.

– Не отвратительный, а просто любвеобильный. В моей душе хватит места для всех окружающих меня красавиц, – без шуток пропевает Эндрюз, вконец переполняя чашу моего терпения.

Я порываюсь выбраться из машины, однако, заметив, надвигающуюся компанию местных, тут же захлопываю дверь и остаюсь сидеть на месте.

– Да чего ты так стремаешься? – он оглядывается назад в окно. – Не накинутся же они на тебя только потому, что теперь ты выглядишь как приличный человек, а не жалкая, серая мышь-пацанка.

– Ничего я не боюсь! Мне просто неуютно в таком виде. Я чувствую себя голой, – признаюсь я и в энный раз натягиваю ниже подол нового платья, желая скрыть бедра, на которые Марк весь путь до Энглвуда постоянно отвлекался от дороги.

– Голой? Ты сейчас серьёзно?

– Более чем. То, что я в клубе хожу полуголая, не значит, что в жизни могу делать так же.

– Что за ерунда? Мне кажется, после работы в «Атриуме» тебя вообще ничто не должно смущать. Да и тем более ты не голая, а в безупречно подчёркивающем твои сочные формы платье. И именно так и только так ты впредь будешь всегда одеваться!

– Не всегда, а лишь с тобой!

– Ещё чего! С этого дня ты всегда и везде будешь так одеваться. Чтоб сейчас же пришла домой и выкинула на свалку весь свой плебейский гардероб. Хоть раз увижу на тебе старое шмотьё – сразу же расскажу всё Остину, – твёрдость его хрипловатого голоса даёт понять, что он ни черта не шутит.

– Это уже слишком, Марк! Я на такое не соглашалась.

– А тебя никто и не спрашивает, Никс. Ты вообще из тех видов женщин, которых нужно постоянно заставлять всё делать насильно, так как сама ты, по ходу, ни хрена не понимаешь, что для тебя лучше, – с несвойственной ему серьёзностью выдает Марк.

И его слова задевают меня гораздо больше, чем мне того хотелось бы, вытягивая из глубин сознания мужской голос, низкий тембр которого день за днём не прекращает меня истязать.

– Ты дикая врунишка, готовая нападать, защищаться, сопротивляться… Ты готова вытворять что угодно, лишь бы не признаваться самой себе в том, чего поистине желаешь. Как сейчас, так и всегда по жизни. Но со мной не нужно притворяться. Я чувствую каждое твоё желание.

– Заткнись! Не хочу этого слышать! Тебя нет в моих мыслях!

– Ты хочешь огненного пламени в своей жизни и вовсе не боишься, что оно спалит тебя дотла. Именно этого ты и желаешь. Ярко гореть и наслаждаться исходящим жаром.

– Я не хотела этого! Никогда не хотела! Но ты всё равно меня спалил, так что теперь заткнись и позволь мне вернуться к жизни, в которой нет места для тебя!

Сильно прищурив веки, я хорошенько встряхиваю головой, чтобы избавиться от отголосков *его* слов до того, как помимо голоса в сознании перед глазами начнут мерещиться ещё и глюки с образом Адама.

– Не делай вид, что сделал это для меня, Марк, мы оба знаем, что это неправда, – возвращаясь в реальность, сдавленно проговариваю я.

– Даже не собираюсь отрицать, Никс. В первую очередь я сделал это ради себя. Смотреть на твой убогий вид у меня кончились все силы. Но давай и ты сейчас прекратишь упрямиться и честно признаешься, что тебе очень даже пришлись по вкусу все обновки, что я тебе подобрал и купил, – наглец самодовольно ухмыляется, без всяких слов понимая, что совершенно прав.

И, как бы он меня сегодня ни доводил до нервного тика и тошнотворных спазмов в животе, я всё же не могу ему не сказать:

– Спасибо, – тихо, сухо, устало, но всё-таки я заставляю себя поблагодарить Марка, который, как я думала, станет последним человеком, кому я хоть в чём-то когда-нибудь буду признательна.

– Ну вот, ещё один прогресс, малышка. Вежливо разговаривать научилась, извиняться – вроде бы тоже, а теперь ещё и спасибо говоришь. Ущипни меня, а то, мне кажется, я сплю, – усмехается Марк, сползая плотоядным взором с моих глаз на проглядывающую в глубоком вырезе грудь.

– Щипать не ущипну, но по лицу вмажу, если ты и дальше будешь так смотреть на меня, – хватаю его за подбородок и приподнимаю лицо выше.

– Ох, ещё как буду, детка, для чего, по-твоему, я тебя се-

годня полдня терпел? – посмеивается засранец, когда я наконец выхожу из машины. – Не трудно будет самой дотащить все пакеты до дома?

– А ты типа вызовешься помочь, если скажу, что трудно?

– Конечно, нет, просто хотел узнать, стоит ли остаться и понаблюдать за твоими мучениями или сразу же ехать?

– Я так и думала, – коротко усмехаюсь. – Давай дуй отсюда, Эндрюз, пока я тебе краску на машине своим каблуком не подправила, – угрожаю я, торопливо направляясь к подъезду.

– О нет, нет, я всё-таки посмотрю, – слышу довольный лепет за спиной.

Быстро осознав, что козлина пялится на мою пятую точку, оборачиваюсь и показываю ему средний палец.

В ответ он заливается своим хрипловатым смехом и резво срывается с места, оглушая всю улицу громким рёвом мотора.

Невыносимый, мерзкий негодяй с суперспособностью выбешивать меня даже в состоянии полного душевного анабиоза, но почему-то именно он заставляет меня улыбнуться уже во второй раз за сегодня. Совсем вяленько, но всё же. При моей безэмоциональной коме это очень даже неплохо.

Но однозначно это была бы параллельная вселенная, а не моя суровая реальность, если бы мне позволили поулыбаться чуть дольше минуты. Ещё поднимаясь по подъездной лестнице, мне удается расслышать знакомые голоса людей, бесе-

дующих между собой на повышенных тонах и в весьма негативной форме. Ускорив темп, я быстро достигаю своего этажа, где встречаю сильно выпившую маму вместе с пожилым мужчиной в скромном тёмном костюме и в своей несменяемой старомодной шляпе.

– Мистер Баррет? Что вы здесь делаете? – озадаченно обращаюсь я к нашему арендодателю.

– О-о-о! Николь! Как раз во-о-овремя…

Вместо приветствия мама зависает в недоумении, пытаясь сфокусировать пьяный взор на куче пакетов в моих руках. Баррет же соизволяет поздороваться, несмотря на такое же удивление и чёткие ноты негодования в его голосе, что вмиг дают понять – мужчина по какой-то неведомой мне причине настроен крайне недоброжелательно.

– Так что случилось? – повторяю вопрос, опуская пакеты на пол.

– Нас хотят выселить, – заявляет мама настолько заплетающимся голосом, что мне не сразу удаётся уловить смысл её слов.

– Что? Почему?

– Что значит – почему? За вечную неуплату, – резким тоном поясняет мужчина.

– Но я не понимаю, Баррет, что произошло? Я думала, мы с вами договорились, что я заплачу с небольшой отсрочкой, но, как всегда, с процентами. Разве нет?

– Да, договорились, но мне надоело мириться с подобным

положением вещей. Ведь хочу напомнить: вы не только всегда опаздываете с оплатой, но ещё и долг за шесть месяцев со всеми накопившимися процентами больше года отдать никак не можете, – строго произносит мужчина, смеряя меня укоризненным взглядом. – И, как погляжу, понятно почему: видимо, гораздо важнее приодеться по последней моде, чем с долгами справиться.

– Да что вы такое говорите, Баррет? Вам ли меня не знать? – вконец озадачиваюсь я, в самом деле не понимая его странных упрёков.

Хочу узнать, в чём причина неблагоприятного настроения обычно доброго и понимающего старика, но отвлекаюсь на маму.

Не в силах больше удерживать себя на ногах, она пошатывается и ударяется плечом об дверной косяк.

– Ой, – стонет она, и я тут же подлетаю к ней и придерживаю за талию.

– Мам, вернись в квартиру. Тебе нужно проспаться. Я сама переговорю с Барретом.

– Д-да, х-х-орошо, – без возражений соглашается она.

– Тебя довести?

– Нет, не… не надо, сама справлюсь.

Я открываю входную дверь, пропуская маму внутрь, и на всякий случай смотрю ей вслед до момента, когда она благополучно приземляется на диван к Филиппу. Он намеревается что-то ляпнуть, но я резко захлопываю дверь и возвра-

щаю всё своё внимание к арендодателю.

– Так что случилось, Баррет? Я же совсем недавно вернула вам немалую сумму долга и думала, этих денег будет достаточно, чтобы убедить вас, что рано или поздно я смогу вернуть вам всё до конца. Вы же знаете мою ситуацию. Я одна содержу всю семью, и я просто физически не успеваю зарабатывать на все долги сразу. А эти вещи… поверьте, их не я купила. Не я.

– Это неважно, Николь… Я всегда входил в твоё нелёгкое положение, но у всего есть свой предел. Больше терпеть я этого не намерен.

– Но как же так? Вы не можете просто взять и выбросить нас на улицу. Мы живём здесь уже много лет. Куда мы, по-вашему, пойдём? – ужасаюсь я, пока ещё не до конца осмысливая происходящее.

– Не делай из меня злодея, девочка, я не выбрасываю вас из дома без причины. Вы не платите, долги практически не уменьшаются, а мне надоели эти проблемы. Деньги всем нужны, и я не исключение. Поэтому либо ты находишь способ вернуть мне всю сумму разом до конца месяца, либо вы здесь больше не живёте, – безапелляционно заявляет Баррет.

– К концу месяца?! Но это же меньше чем через две недели. Я не смогу заработать необходимую сумму за столь короткий срок!

– Меня это не волнует. Где и как достать всю сумму – дело твоё, но если денег в назначенный день не будет, можете всей

семьёй попрощаться с домом. И это моё последнее слово, – чеканит мужчина, и направляется к лестнице, чтобы уйти.

Однако напоследок оборачивается и с неким прорывающимся сквозь суровый тон сочувствием добавляет:

– Мне в самом деле очень жаль, Ники. Но по-другому никак. И надеюсь, ты не будешь держать на меня зла.

Мистер Баррет удаляется, а я, чувствуя, как безнадёжность ситуации тяжким грузом наваливается на мои плечи, так и продолжаю неподвижно стоять, прислонившись спиной к двери.

Что теперь делать? Где найти деньги так быстро?

За две недели в «Атриуме» будет хорошо, если я смогу наскрести одну треть задолженных Баррету денег, но где достать недостающий остаток? Ценных вещей у меня, разумеется, нет. Продавать мне нечего, только если сдать в ломбард недавно купленный Филиппом музыкальный центр. Что я непременно и сделаю, но этого всё равно мало. Очень мало.

Одолжить? Единственный человек, у кого я могу попросить такую крупную сумму денег, – это Эмилия, ведь быть в долгу у Марка ещё и в финансовом плане – это полный трындец. Но что же я за дерьмовым человеком таким буду, если стану просить у подруги в долг, параллельно продолжая бесстыдно её обманывать?

Всё верно: я даже не человеком буду, а настоящим, мерзким чудовищем, но иного выбора у меня не остаётся. Кроме неё, у меня нет других вариантов достать всю сумму де-

нег для Баррета, а я не могу допустить, чтобы мы потеряли нашу квартиру, в каком бы ужасном состоянии она ни была. Нам некуда будет идти, и придётся скитаться по улицам Энглвуда до тех пор, пока не удастся снять новое место, что с двумя заядлыми алкоголиками будет сделать практически невозможно.

Несколько раз глубоко вдохнув и выдохнув, я собираю мысли в кучу, пытаясь окончательно не развалиться морально прямо в этом грязном, сыром подъезде. Порываюсь поднять кульки с обновками с пола, но меня останавливает внезапная вибрация телефона в одном из пакетов. Шустро роюсь, нахожу среди вещей свой старенький айфон и читаю новое входящее сообщение:

Unknown: *«Двери моего дома всегда открыты для тебя, Лина».*

Всего одно предложение – и внутри меня будто дамбу прорывает, что вмиг сметает всецелое душевное онемение тремя чёткими, острыми, всепоглощающими нутро эмоциями – страхом, злостью и ненавистью. И от их мощности я чуть ли не разламываю пополам смартфон в своих руках.

Значит, это он. Вынудить Баррета лишить нас квартиры – его рук дело. Ну, конечно… Как же я сразу этого не поняла.

Неплохо придумано, Харт, да только у тебя ничего не выйдет! Единственный способ, каким ты сможешь заставить меня хоть когда-нибудь войти в твой роскошный пентхаус, – это вперёд ногами!

Глава 3

Николина

Хотелось бы сказать, что я безумно рада началу процесса по вытягиванию себя из амёбного состояния, но, к сожалению, не могу. Ведь не была бы я Николиной Джеймс, если бы первыми вернувшимися ко мне эмоциями не стали именно негативные. Думаю, я никого сейчас не удивлю, сказав, что этот факт начал усложнять мне жизнь в многократном объёме уже с первых же минут.

Стоило вернуться домой после беседы с Барретом, как я тут же сцепилась с Филиппом в очередном крупном скандале, к концу которого энное количество попавших под руку вещей были разбиты вдребезги, пьяная мама доведена до истерики, а мои голосовые связки сорваны до хрипа и острой боли в горле.

На работе дело обстояло ещё хуже. Вовсе не потому, что я наконец отмутузила всех достающих меня проституток, а как раз-таки потому, что не сделала этого. Как бы мне ни хотелось оторвать все патлы каждой из своих коллег, я не могла себе позволить подобного поведения. Пусть я и являюсь новой фавориткой Эрика, но это вряд ли спасёт меня от увольнения в ту же секунду, как он увидит изуродованные

лица всех своих прибыльных девок. А терять сейчас работу – перспектива крайне удручающая, поэтому всю ночь мне приходилось заклинать себя выдержать нападки коллег без завязывания драк.

И явно не без помощи неких высших сил мне таки удалось пережить эту ночь миролюбиво, однако не сорваться сегодня на Марка, боюсь, мне ничто не сможет помочь.

Особенно чётко я это осознаю, когда открываю его престижную квартиру ключом, который поганец мне любезно выдал, чтобы я могла сама попасть в его хоромы для уборки, и ужасаюсь царящему в доме бардаку. По просторной студии словно пронесся реактивный ураган под названием «давайте не оставим после себя ни одного чистого места, чтобы Николь с утра не вздумала скучать»!

– Будь ты проклят со своими вечеринками, Эндрюз! – злостно цежу сквозь зубы я.

И, вместо того чтобы в четвёртый раз за эту неделю молчаливо взяться за уборку, устремляюсь прямиком в спальню пьянчуги в непоколебимом стремлении надавать ему по лещам.

Знаю, я об этом непременно пожалею, однако вновь пробудившийся гнев и накопившаяся усталость во мне настолько велики, что я просто не способна их больше выдержать.

Одержимая целью вывалить на Марка весь негатив, влетаю в его холостяцкое логово, чуть ли не выбивая дверь из петель. И разом застываю, обнаруживая, что, к несчастью, в

постели он лежит не один. К несчастью его очередной девки, разумеется.

– Что такое? – сонно мычит Эндрюз, даже не отрывая голову от подушки.

Чего нельзя сказать о его подружке, что обвивает его крупное тело длинными ногами: заспанная брюнетка за долю секунды отходит ото сна и искажается в недовольной гримасе.

– Это ещё как понимать?! Ты кто такая вообще?! – её хриплый, прокуренный голос взметает шкалу моей злости до максимального уровня, а комбо из вульгарного нижнего белья, растрёпанных волос, больше похожих на солому, и размазанных следов макияжа, придающих ей вид дешёвой шлюхи, напрочь отключает все сдерживающие меня рычаги.

Прощай, благоразумие, да здравствуй, демон во плоти!

– Кто я такая? Сейчас ты узнаешь, – почти беззвучно выдавливаю из себя, неумолимо надвигаясь на ошалевшую девку. – Я та, кто на хрен выкинет тебя отсюда!

– А-а-а! Ма-а-арк! – верещит точно резаная, пытаясь ухватиться за не менее изумлённого парня, но не успевает.

Я уже грубо сжимаю её волосы рукой, рывком стаскиваю с постели и, полностью игнорируя женские крики, тащу по полу к входной двери.

Марк вроде бы что-то говорит, но его голос я слышу как сквозь толстый слой ваты. Меня не остановить, не успокоить, и пусть он даже не пытается прервать мою острую необ-

ходимость выплюнуть из себя весь яростный яд, пока он не отравил меня до последней капли крови.

– Давай, уматывай! И чтоб забыла дорогу сюда! – выплёвываю напоследок, прежде чем с грохотом захлопнуть дверь перед выброшенной в коридор полуголой девушкой.

– Открой! Что ты себе позволяешь?! Открой! Марк! Марк! – орёт девица, не жалея горла, и начинает мощно стучать по двери. – Мои вещи остались в комнате! Я же в одном белье! Впустите меня!

Под аккомпанемент её жалобных криков я возвращаюсь в спальню, стремительно минуя массивную фигуру Эндрюза. Он больше ничего не говорит, а лишь безучастно наблюдает, как я бегло осматриваю комнату в поисках женского шмотья и, когда нахожу, устремляюсь обратно, открываю дверь и швыряю их в девку.

– Ты больная на всю голову! Сумасшедшая! – огрызается она, торопливо натягивая на себя что-то отдаленно напоминающее платье.

Знаю! Я такая! И ты ни в чём не виновата, тебе просто не повезло попасть под мою горячую руку.

Но это я должна буду понять лишь спустя некоторое время, а сейчас…

– Пошла к чёрту отсюда, пока я тебе все волосы не повырывала! – делаю выпад в её сторону, заставляя девчонку отскочить назад.

– Только посмей ко мне прикоснуться, дура! Ко мне-то в

чём претензии? В отличие от Марка, я никому не изменяла, да и вообще он заверил меня, что ты нам не помешаешь. Если бы я только знала, что у него баба такая неадекватная, в жизни в постель с ним не легла! – шипит она, мигом подбрасывая дров в очаг моей злости.

Так эта сучка ещё и была в курсе… Прекрасно! Она самолично только что дала мне зелёный свет врезать ей без последующих угрызений совести.

И мой удар по её помятому, покрасневшему лицу содержит в себе неукротимую мощь вовсе не моей ненависти к Марку, а чувство вины перед самой лучшей в мире подругой, которую я позволяю так гнусно обманывать.

Я всем сердцем желаю, чтобы эта девка ответила мне тем же, вмазав по лицу с такой же силой и яростью, но она этого не делает, лишь прижимает руку к повреждённой щеке и сквозь болезненный скулеж угрожает:

– Я это так просто не оставлю! Ненормальная! Слышишь? Я подам на тебя заявление в полицию!

– Уже трясусь от страха. Можешь делать что хочешь, главное – проваливай отсюда, если не желаешь получить добавки!

Не дожидавшись ответа, закрываю дверь и устало прислоняюсь к ней спиной. Девка продолжает что-то вякать, но её слов я больше не различаю. Громкие хлопки в гостиной обращают всё моё внимание на себя.

– Это было потрясающе, Никс! – раскинувшись на диване

в одних спортивных штанах, аплодирует Эндрюз. – Я и подумать не мог, что твой дикий, взрывной характер хоть когда-нибудь сможет мне так пригодиться. Чувствую, ты только что создала себе новую постоянную работёнку – быстро вытаскивать по утрам моих баб из постели, избавляя меня от необходимости самому их выпроваживать, – откровенно радуется Марк, срывая с моих губ яростный полурык-полустон.

Заметив мой порыв накинуться на него, Эндрюз шустро приподнимается и перепрыгивает через спинку софы.

– Я задушу тебя, ублюдок! – взрываюсь, не контролируя свой язык.

Пытаюсь дотянуться до него, запрыгнув на диван, но он ловко уворачивается.

– Сначала поймай меня, если сможешь, – дразняще подмигнув, Марк начинает вилять из стороны в сторону, будто играя со своей домашней зверушкой.

Он серьёзно?! У мудака совсем отсутствует понятие, когда стоит остановиться? Он же видит, в каком я состоянии, и всё равно решает выбесить меня ещё больше, предлагая поиграть с ним в салки?

По всей видимости, да.

Я сама не замечаю, как начинаю носиться за ним по всей квартире, попутно прихватываю с пола пустые бутылки и бросаю в него, мечтая, чтобы хоть одна из них попала ему в голову.

– Ух! Не думал, что когда-нибудь скажу такое, но именно этого огня мне в тебе и не хватало. Так нам будет гораздо веселее, Никс, – ликует он, как самый настоящий ребёнок, успешно спасая себя от очередной летящей «Короны», спрятавшись за барной стойкой.

– Наше веселье кончится сразу же, как я доберусь до тебя! А я это сделаю, Марк, клянусь, сделаю! Я не позволю тебе больше так поступать с Эми!

Влетаю за ним на кухню, чуть ли не поскальзываясь на какой-то жидкости, от чего Эндрюз разражается смехом.

– Ещё как позволишь, малышка, у нас же уговор. Забыла? Да и тем более в этот раз я ни в чём не виноват. Я правда хотел провести эту ночь с Эми, но её строгие родители не позволили ей покинуть дом до утра, а она, как послушная дочь, не могла их ослушаться, как бы я ни уговаривал.

– Ага. И поэтому ты дико расстроился и пошел устраивать тусовку с последующими потрахушками с какими-то блядями? – срываюсь на злостное рычание, практически догоняя Марка в прихожей и схватывая его за плечо, но в последний момент он ускоряется, позволяя мне лишь царапнуть его кожу.

– Когти свои при себе держи, Никс, я себя царапать только в спальне разрешаю, – преградив мне путь до себя выдвижным столом, хитро ухмыляется он и опускает взгляд с моего разъярённого лица ниже. – Хотя мы можем и там продолжить наше веселье. Твоё милое платьице так и просится,

чтобы его поскорее стянули.

– Марк! Да заткнись же ты в конце-то концов! У тебя, что ли, в самом деле вместо мозга член в голове маринуется?! Ну как можно быть всегда таким озабоченным?!

– Не озабоченным, а обычным здоровым мужчиной, который возбуждается при виде прекрасного перед собой, – припеваючи выдаёт похотливое животное и продолжает убегать от меня, перепрыгивая через груду стекла и мусора.

– Я смотрю, ты каждому своему минусу найдёшь объяснение, превратив его в плюс!

– Именно поэтому во мне нет ни одного минуса, – самодовольно заявляет придурок и вовремя пригибается, вынуждая брошенный мной стакан со звонким треском разбиться об стену.

– Идиот! Твои главные минусы из тысячи других – это беспринципность и тотальная неразборчивость в бабах. О каком «прекрасном» ты говоришь, если швабра, которую я только что выгнала, выглядит, словно ты её в дешманском кабаке подцепил, где её до этого половина посетителей отымела? – ядовито проговариваю я и сквозь шум гнева в ушах слышу продолжительную трель дверного звонка.

– Вспомни солнышко – вот и лучик? – невинно улыбается Марк.

– Вспомни говно – вот и оно, – исправляю я и на всех парах лечу к двери, в очередной раз поражаясь, какой же этот гад любимец фортуны.

Неважно, зачем эта девка опять явилась, но она во второй раз примет весь удар на себя. И даже если она привела с собой обещанную полицию, я всё равно с радостью ей вмажу, лишь бы хоть немного усмирить клокочущую в венах яростную магму.

– Всё-таки вернулась за добавкой? – резко открыв дверь, с лёту выплёвываю я и молниеносно цепенею, превращаясь в мраморную статую.

Передо мной стоит вовсе не та вульгарная брюнетка в проститутском наряде, а миловидная девушка в скромном шёлковом платье цвета слоновой кости. Она смотрит на меня и хлопает от удивления своими большими карими глазками.

– Ники?

Стоит услышать её крайне озадаченный голос, как вся злость в теле вмиг погашается леденящей волной ужаса.

– Эми?

– Что ты здесь делаешь и кто вернулся за добавкой? – спрашивает она, попеременно глядя то на меня, то на стоящего позади запыхавшегося Марка.

А я и звука выдавить из себя не могу от тотальной растерянности и страха.

– Я… Э… Ну…

А нет! Всё-таки какие-то блеющие звуки из меня соизволяют выйти, но уж лучше бы я просто молчала.

– Мы думали, это соседка в третий раз за сахаром пришла, а оказывается, моя любимая девочка! – заметив мой всеце-

лый паралич, Марк приходит мне на помощь.

Как ни в чём ни бывало сгребает Эми в крепкие объятия и с лёгкостью вносит в квартиру, ногой прикрывая за собой дверь.

– Ты почему заранее не предупредила, что приедешь? Теперь ты всё испортила! – расстроенно выдаёт он.

И моё лицо, вероятнее всего, выглядит ничуть не менее растерянным, чем у Эмилии.

– Я хотела сделать тебе сюрприз, но, вижу, кто кого удивил, так это вы меня. Что здесь происходит? Почему вы вместе? – с подозрением бормочет она.

Освобождается из мужских объятий и окидывает меня настороженным взглядом.

– Эми, мы… мы просто…

– Мы тоже готовили тебе сюрприз, – резко перебивает мой лепет Эндрюз.

– Вы? Мне? Сюрприз?

– Ну, конечно, тебе, глупышка. Почему ещё, ты думаешь, Николь бы снизошла до визита ко мне на дом с самого утра? Как видишь, я даже одеться толком не успел, – усмехается он, накрывая уголок её губ коротким поцелуем.

– И что это за сюрприз такой? – без особого доверия интересуется Эми.

– Ну теперь уже, по всей видимости, никакого, – он взъерошивает свои волосы и поджимает губы, будто испытывает некоторую неловкость. – В общем… Я же знаю, как

ты переживала из-за наших с Никс вечных ссор, поэтому решил сделать тебе приятно и сам позвонил ей с предложением выяснить все наши размолвки и подружиться. Хотел обрадовать тебя этой новостью сразу же, как мы во всём с ней разберёмся, но ты пришла – и вот… сюрприз испорчен, – с притворным сожалением вздыхает Эндрюз, мигом заставляя Эми состроить грустно-растроганную мордашку и как всегда беспрекословно поверить ему.

– Нет, ты что? Он не испорчен. Конечно, не испорчен. Это невероятно… Но… Ты серьёзно говоришь, Марк? Ники, это правда? – спрашивает она восторженным голосом, переводя свой сияющий теплом и любовью взор на меня.

Вот же скотина Эндрюз! Как ловко вывернулся, однако. Даже глазом не моргнул, наврав ей с три короба. И теперь уж я точно могу утверждать, что этот мудак родился под счастливым созвездием. Грёбаный везунчик, чёрт бы его побрал! Мало того, что я, сама того не желая, спасла его лживую задницу, вовремя вышвырнув девку из квартиры, так теперь он ещё и умудрился выдать себя в глазах Эми заботливым, любящим парнем.

Внутри меня всё скручивается тугими, болезненными узлами не только из-за пожирающих меня угрызений совести, но и от неожиданного осознания, что сейчас у меня язык не повернулся бы сказать Эми всю правду, даже если бы я могла это сделать.

Глаза подруги с каждым взмахом пушистых ресниц на-

полняются таким ярким светом, что мне просто-напросто духа не хватило бы столь безжалостно разбить ей сердце.

– Да, Эми, это правда, – сглотнув густой, едкий ком в горле, подтверждаю я, становясь на ещё одну ложь больше перед ней виноватой

– И Марк сам изъявил желание помириться?

– Да, представь себе, сам позвонил мне.

И на ещё одну, что вконец разрывает мне всю грудную клетку.

– Обалдеть! Не могу поверить!

– Почему это не можешь? Разве ты ещё не поняла? Ради тебя я готов на что угодно, – деланно хмурится Марк.

– Да… теперь я точно это знаю! Ты же терпеть её не мог и всё равно пошел на это. И все ради меня… – её сверкающие от счастья глаза наполняются влагой.

Она чуть ли не с благоговением смотрит в лицо этой конечной твари.

– Конечно, детка. Я сделаю всё что понадобится, лишь бы ты всегда вот так улыбалась мне, – мурлычет драный кот, запуская лапу в тёмные волосы Эми.

Меня начинает трясти от желания вырвать ему эту руку, что ещё совсем недавно сжимала задницу какой-то шлюхи, а следом рубануть под самый корень и его член, который он ни дня не может удержать в своих боксёрах. Но вместо этого просто стою и позволяю делать из Эмилии последнюю дуру.

– Ты самый лучший в мире парень, Марк! Я тебя так люб-

лю! Так люблю! Спасибо за то, что ты такой замечательный! За что мне такое счастье? – возбуждённо щебечет она.

Доверчиво льнёт всем телом к его голому торсу и крепко обнимает, пока «самый лучший в мире парень» за её спиной ехидно ухмыляется прямо мне в лицо, открыто упиваясь моим негодованием.

Не выдерживая его нахальной рожи, я резко разворачиваюсь и подхожу к окну, приступая к успокаивающим дыхательным упражнениям.

Я найду способ наказать его за всё дерьмо, что он вытворяет. Он обязательно получит по заслугам. Для меня теперь это будет целью номер один.

– Ой, Марк, а что произошло с твоей квартирой?

От мыслей о неминуемой мести меня отвлекает вопрос Эми, которая лишь сейчас замечает устроенный в доме разгром.

– Да, ничего, такое случается каждый раз, когда я приглашаю к себе друзей из универа. Ты же знаешь, какие парни бывают буйные, когда выпьют. Вот и вчера они немного вышли из-под контроля, но ты не переживай, детка, скоро должен приехать работник из клининг-компании и всё здесь убрать. Пара часов – и квартира вновь будет сверкать, как новенькая, – заявляет Марк, бросая на меня короткий выразительный взгляд. – И потому предлагаю куда-нибудь пойти прогуляться, пока будет проходить уборка. Что скажешь, Эми?

– Конечно! С превеликим удовольствием. Я специально вчера со всей учёбой справилась, чтобы родители позволили мне провести все выходные с тобой!

– Вот и отлично! Тогда я быстро в душ – и пойдём! – он чмокает её в губы и выходит из комнаты, оставляя нас вдвоём.

– Ники, боже мой, какая же я глупая! Марку сказала спасибо, а тебе нет, – спохватывается Эми, налетая на меня с объятиями.

– За что?

И правда, за что? За то, что я самая мерзкая подруга на всём белом свете?

– Ну как за что? Тебе же тоже должно было быть очень трудно согласиться на примирение с ним. Но вы это сделали, и я не могу нарадоваться этой замечательной новости. Два любимых мной человека больше не будут воевать. О чём ещё я могу мечтать? Вы лучшие!

– Ну всё не так просто, Эми. Ты же и сама должна понимать, что за один день это произойти не может, – выдаю очередную ложь со слабой улыбкой.

Нашему перемирию никогда не бывать!

– Неважно! Самое главное, что первый шаг сделан, а он обычно самый сложный. Спасибо тебе огромное! – она отпускает меня из объятий и начинает скользить взглядом по моему летнему жёлтому платью. – Ты такая красивая, Ники, неужели наконец решилась снять свой спасательный каму-

фляж?

– Спасательный камуфляж?

– Конечно! А как это ещё можно было назвать? Знаю, в Энглвуде небезопасно, но я имела честь наблюдать тебя в гневе, поэтому с уверенностью могу сказать: кого и следует опасаться на улицах твоего района, так это тебя. Ни у одного бандита просто нет шансов, – смеётся она, явно вспоминая моё нападение на Марка в баре. – И я очень рада, что ты сама поняла, что в невзрачной одежде давным-давно нет никакой необходимости. Ты такая хорошенькая. Тебе очень идут эти перемены, – искренне произносит она, аккуратно убирая мою прядь волос за ухо.

– Да, наверное… Спасибо за комплимент, – смущённо опускаю ресницы я, сжимая руку подруги.

Возможно, изменения во внешнем виде были и не такой уж плохой идеей, как мне показалось в начале, но решению внутреннего балагана новая одежда никак не помогла. И не знаю, что вообще поможет.

– Что-то случилось, Ники? – с присущей ей проницательностью интересуется Эми. – Ты устало выглядишь. Опять набрала лишних смен в клубе?

– К сожалению, пришлось, – тяжело выдыхаю я, морально готовясь к неприятному разговору. – Нас грозятся выселить из дома, Эми.

– Что?! Как?! Но почему?!

Я быстро рассказываю ей о вчерашнем разговоре с Бар-

ретом, а затем, захлёбываясь в вязкой трясине своего предательства, намереваюсь попросить у неё денег. Однако не успеваю даже слова сказать, как Эми вконец разрывает мне сердце своей отзывчивостью.

– Я дам тебе необходимую сумму.

– Дашь? – коротко выдыхаю.

– Ну конечно, Ники, как же я могу не помочь тебе в такой ситуации? Мне даже у родителей просить не придётся, я дам тебе из своих сбережений.

– Эми… – мой голос хрипнет от переполняющей меня благодарности. – Ты не представляешь, что для меня значит твоя помощь, не представляешь… я не знаю, как отблагодарить тебя, – прижимаю подругу к себе, утыкаясь в её плечо носом.

Не только чтобы выразить свою безмерную признательность, но и потому, что смотреть в её глаза добродушные мне совесть не позволяет.

– Ну ты чего? Мы же подруги, а друзья всегда должны помогать друг другу. Не так ли?

Даже не видя лица Эми, чувствую улыбку на её губах, пока она утешительно поглаживает мне спину.

– Да, конечно, – грустно соглашаюсь. – Но я отдам тебе всё до последней копейки и сделаю это по возможности быстрее. Обещаю.

– Не переживай об этом. И не нужно никакой спешки. Как появится возможность, так и отдашь. Главное, чтобы вас не

выгнали из дома. Остальное неважно.

– Спасибо тебе, спасибо! Ты такое чудо. Я тебя не заслуживаю.

– Ещё чего придумала? – фыркает Эми и щёлкает мне по носу. – Это ты самая чудесная подруга из всех возможных. Одно твоё желание наладить отношения с Марком ради меня чего стоит. Так что прекрати нести глупости и пообещай мне лучше не загонять себя так сильно на работе. Ты же нисколько не щадишь себя, Ники, а так нельзя. Хоть иногда думай о своем здоровье, пожалуйста, – с заботой просит она и тут же отвлекается на хрипловатый голос Марка.

Ему потребовалось совсем немного времени, чтобы привести себя в свой вечно сияющий и благоухающий вид.

– Ну что, красавица, готова к новым приключениям? – пропевает Марк, подходя к Эмилии вплотную.

А дальше я совершенно не слышу, о чём они говорят, всецело абстрагируясь от их сладких воркований, дабы избежать выворачивания своего желудка наизнанку. Лишь когда мы выходим на улицу и останавливаемся возле подъезда, до моего слуха доходит радостный голос Эмилии:

– Ты пойдёшь с нами, Ники? Погуляем по парку, сходим куда-нибудь перекусить. Посмотри, какая погода прекрасная! В этом году лето решило порадовать нас уже в мае.

– Да, Никс, присоединяйся, нам же нужно с чего-то начинать наш путь к миролюбивому общению, – радушно произносит Марк, добавляя себе ещё несколько очков в глазах

Эмилии.

А затем обнимает её сзади и движением головы указывает мне на свою квартиру, напоминая о хаосе, который ждёт меня не дождётся.

– Нет, спасибо, давайте в другой раз. Сегодня у меня ещё есть кое-какие неотложные дела, – отвечаю я, едва сдерживаясь, чтобы не скорчить в ответ Марку какую-нибудь рожу.

– Уверена, что неотложные? Я бы всё на свете отодвинул в сторону, лишь бы быстрее начать предпринимать попытки найти с тобой общий язык, – он коротко целует Эми в макушку и прижимается к ней ближе, заставляя её засиять ещё сильнее, а мне показывает пошлые движения языком между указательным и средним пальцами, мгновенно взрывая во мне пороховые бочки злости.

– Я же сказала, что сегодня не могу! – грубо вскрикиваю я, кусая свой язык до крови, чтобы не добавить порцию отборного мата.

– Хорошо, Ники, не злись. Марк же просто интересуется, – вступается за любимого Эми. – Но если сегодня ты не можешь – ничего страшного. Мы обязательно сходим куда-нибудь все вместе в другой день. И обязательно загляни ко мне в гости, когда сможешь. Я дам тебе то, о чём мы договорились, – на ушко добавляет подруга, обнимая меня на прощание, а потом переплетает пальцы с Марком, который не перестает улыбаться, как олимпийский призёр.

Радуйся, урод, пока есть такая возможность. Клянусь,

рано или поздно я избавлю Эмилию от тебя, и ты мне за всё заплатишь.

Я прощаюсь, делая вид, что ухожу в противоположную от них сторону, а, когда парочка скрывается за поворотом, срываюсь на протяжный стона-крик и несколько раз ударяю ногой по вблизи стоящему мусорному баку, собирая на себе множество косых взглядов прохожих.

– Что уставились?! Плохих дней никогда не было?! – рычу я на недоуменную публику.

Опираюсь рукой на столб, пытаясь отдышаться и привести себя в чувство.

Господи, пожалуйста, верни моей душе способность испытывать хотя бы одну положительную эмоцию… Хотя бы одну, потому что ещё чуть-чуть – и я свихнусь окончательно.

Но, как и всегда, всевышний или кто там на небесах отвечает за исполнения человеческий просьб и желаний наглухо игнорирует меня, посылая вместо счастья, радости, любви, тепла или нежности оповещение о новом входящем сообщении:

Unknown: «*Ты же прекрасно знаешь, как можешь быстро избавиться от этого недоумка*».

Я бегло оглядываюсь по сторонам, в сотый раз пытаясь обнаружить моего преследователя, но на улице так много народа, что мои поиски вновь не венчаются успехом. Да и как я вообще собираюсь его найти? Мне не узнать его лица и не

вычислить по голосу, фигуре или машине. Чёрт, да я же ничего о нём не знаю. Ничего! В то время как Харту докладывают о каждом моём движении, слове и вздохе.

Это ненормально. Незаконно. За гранью допустимого. Но я более чем уверена, что в полиции с этим мне помочь не смогут. Кто я? И кто Адам Харт со всем своим влиянием и деньгами? Так что даже не стоит пытаться и тратить нервы. Их и так осталось самая малость из-за его преследований и напутственных посланий.

На вчерашнее я ему так ничего и не ответила. И на это тоже не собираюсь, потому что одно я знаю точно – из двух зол я всегда выберу меньшее. И, думаю, не трудно догадаться, каким из них для меня является Харт, а каким Эндрюз.

Глава 4

Николина

В последние дни погода в Рокфорде в самом деле выдалась на редкость чудесной. Ни одного дождливого дня или даже намека на тучи, а температура воздуха достигла относительно высокой для мая отметки. Деревья уже успели полностью обзавестись новой, свежей листвой, а цветы – распуститься и хоть немного разбавить наш вечно тусклый город яркими красками.

Не могу припомнить, когда в последний раз просто прогуливалась по улицам, никуда не спеша и ни от кого не убегая, и потому сейчас неторопливо шагая по набережной после несколько часовой уборки в квартире Марка, я получаю давно забытое наслаждение от уединения с вечерним городом.

Теплый легкий ветер приятно ласкает кожу, попутно играя с разметавшимися по плечам волосами. Мерно текущая Рокривер успокаивает свои журчанием нервы и волшебным образом притупляет негативные эмоции, пока я с упоением наблюдаю за опускающимся солнцем, что своим уходом за горизонт разливает в небе палитру из сотен розовато-оранжевых оттенков.

Добравшись до главной обзорной площадки променада, я облокачиваюсь на бетонную периллу и подолгу всматриваюсь в умиротворяющий речной пейзаж, вдыхая по-настоящему чистый воздух с нотками сырости и запахом тины. Возможно, большинству такой аромат придётся не по вкусу, но для меня – это чистейший кайф. Особенно после вечных клубов табачного дыма, в которых я пребываю каждую ночь. Каждую, но только не сегодня – благодаря обещанию Эмилии помочь мне в финансовом плане я впервые решила позволить себе отпроситься со смены, чтобы суметь пополнить резервы своих сил.

Мне это нужно. Крайне необходимо. Совсем немного отдыха в виде глотка свежего воздуха, сытного ужина и продолжительного сна, чтобы после вновь приняться за работу и продолжить отдавать долги, которым, как мне кажется, нет ни конца, ни края.

Через некоторое время от разглядывания водной глади меня отвлекает женский смех, раздающийся неподалеку. Поворачиваю голову и становлюсь свидетелем милой картины влюблённой парочки. Мне даже издалека видно, как горят их глаза при взгляде друг на друга.

Да… Я видела подобное уже не раз, но только наблюдая со стороны как зритель. На себе же мне посчастливилось поймать лишь иллюзию подобного взора, за которым крылось нечто совсем-совсем иное и крайне омерзительное.

Ну вот… Я опять это делаю. Опять думаю о нём… Хотя

пообещала же больше не подпускать к себе ни единой мысли об этом человеке. Он не достоин даже короткого воспоминания. Я это понимаю. Я хочу, чтобы его там не было. Но стереть лицо Адама из памяти у меня так и не получается. Стоит лишь на миг прикрыть глаза, как его образ тут же всплывает перед внутренним взором, посылая по телу фантомные ощущения касаний его пальцев, губ, крепкого тела… а в этот раз вслед за иллюзией его присутствия неожиданно и совсем некстати ещё приходит и новая череда негативных чувств.

С каждым новым вдохом я всё острее ощущаю, как ко мне возвращаются грусть, печаль, тоска, отчаяние. Сразу. Вместе. Мощно. Не жалея. Так, что непроизвольный тихий стон вырывается из горла от навалившейся на меня лавины меланхолии.

Я сокрушённо опускаю голову на руки и, прекрасно помня, как в детстве слёзы помогали мне облегчить душу, пытаюсь заплакать. Но к сожалению, и в этот раз у меня ничего не получается. Ни одной долбанной слезинки не удаётся выжать из себя ни через пять минут, ни через десять, ни даже через час. Лишь когда на набережную полностью опускаются сумерки, я решаю смириться и вернуться домой, чтобы постараться хотя бы до утра найти спасение во сне, в котором, без сомнений, *Он* вновь придёт ко мне.

Я начинаю спускаться со смотровой площадки вниз, стараясь не думать о предстоящих сексуальных кошмарах, как вдруг сигнал айфона в сумке останавливает меня. Достаю

смартфон и заранее напрягаюсь, ожидая увидеть очередное напутствие от Харта. Однако меня разом отпускает, когда понимаю, что это не он.

О.: *«Привет, малышка, как ты?»*

Стоит только прочитать имя адресата, и сердце вмиг начинает заходиться неистовым боем, с каждым стуком всё сильнее выделяя из всего меланхолического клубка ощущений смертельную тоску по Остину.

Н.: *«Всё хорошо, как ты? Когда вернешься?»*

О.: *«Уже завтра. Соскучилась?»*

Н.: *«Очень».*

Хочу отправить один из самых честных ответов за прошедшую неделю, но в последний момент передумываю и исправляю.

Н.: *«Мечтай. Несколько дней мне никто не выносил мозги своими нравоучениями. Не это ли счастье?»*

О.: *«Договоришься, Джеймс. Узнаю, что опять что-то натворила, вынесу тебе не только мозги».*

Этого не случится, Остин, я сделаю всё, что в моих силах, чтобы ты никогда ни о чём не узнал.

О.: *«Может, сразу хочешь во всём сознаться?»*

Эти слова точно пули простреливают во мне сквозные дыры, и в них ловко заползает нехорошее предчувствие. Однако я решаю не поддаваться ему раньше времени, успокаиваю себя и отвечаю: *«Опять подозреваешь меня в чём-то?»*

О.: *«А стоит?»*

Н.: *«Если ты всё ещё не веришь в мою историю про пиджак Марка, то тебе лучше спросить у него».*

Уверенно набираю текст, заранее оповестив мудилу, что именно ему следует сказать Остину для подтверждения моей очередной лживой истории.

О.: *«Уже спросил».*

Сердце пропускает удар.

Н.: *«И?»*

А сейчас и вовсе останавливается на всё время, пока я в тягостном томлении ожидаю ответа.

Ну же… Марк, не добавляй мне ещё одного повода желать убить тебя собственными руками.

О.: *«Он сказал, что ты не соврала».*

Я с облегчением выдыхаю, устало прислоняясь бёдрами к перилле.

О.: *«А ещё… что вы с ним подружились».*

Ну конечно… Эндрюз бы не был собой, если бы не ляпнул лишнее.

Н.: *«Пришлось закидаться успокоительным и пойти на это ради Эми».*

Отсылаю сообщение и в желании свернуть эту тему моментально строчу следующее: *«Ты мне так и не сказал, куда именно уехал».*

О.: *«Всё расскажу, когда приеду. Поделись лучше, где находишься сейчас ты?»*

Не совсем понимаю, зачем ему нужна эта информация, но

тем не менее отвечаю: *«На набережной. В том месте, где мы с тобой любили часами сидеть и любоваться закатом».*

О.: *«Ты имеешь в виду, где я любил сидеть, а ты – без остановки танцевать перед моим носом?»*

Уголки моих губ приподнимаются в слабом подобии улыбки.

Н.: *«Именно».*

О.: *«И что, уже станцевала сегодня?»*

Н.: *«Конечно. Целое представление людям устроила».*

О.: *«Маленькая врунишка»*

Да уж… Это мягко сказано, Остин. Скорее я огромный кусок пропитанного ложью дерьма.

О.: *«Но ты можешь без труда превратить свои слова в реальность».*

Н.: *«Что ты имеешь в виду?»*

О.: *«Станцуй».*

Н.: *«Ещё чего?!»*

О.: *«Станцуй».*

Н.: *«Даже не подумаю».*

О.: *«Не думай, а просто станцуй».*

Н.: *«Но я здесь одна».*

О.: *«Это проблема?»*

Н.: *«Как минимум странность».*

О.: *«В таком случае как прекрасно, что ты на всю голову повернутая ;)))»*

Я начинаю улыбаться чуть шире, понимая, что Остин

прав: я, безусловно, со странностями, но тем не менее никогда не додумывалась танцевать в гордом одиночестве посреди улицы.

Осматриваюсь по сторонам. На набережной с приходом темноты быстро стало немноголюдно, но я всё равно продолжаю считать это нелепой затеей и неуверенно мешкаю.

О.: *«Давай же, мальшика, смелее»,* – подначивает он, будто чувствует мои колебания даже на расстоянии.

О.: *«Или ты совсем трусишкой стала?».*

Я поджимаю губы, задумчиво хмурясь.

О.: *«У маленькой Ники не хватает смелости? Теряешь хватку, Джеймс».*

Приходит ещё одна провокация через минуту моего молчания, и я сдаюсь.

Н.: *«Кем-кем, а трусишкой я себя точно не считаю, Рид».*

Отправляю сообщение, опускаю сумку на землю и прикрываю глаза, некоторое время внимательно прислушиваясь к телу. И когда оно начинает «говорить», мне становится совсем неважно, как я выгляжу со стороны и что подумают люди. Так же как и полное отсутствие физических сил нисколько не мешает мне растворяться в танце, отключив голову и позволив телу самому руководить процессом, подбирая необходимые движения. Сначала плавные, легкие, воздушные, будто играющие на тонких струнах моей души дивную мелодию оркестра, исполняющего сложную симфонию, что постепенно набирает темп, звучность и пылкость.

Я даже не задумываюсь над тем, как и что танцевать. Тело живёт своей жизнью, переплетая движения в импровизационные связки, создающие нечто поистине волшебное. Это окутывает меня от корней волос до кончиков пальцев блаженной негой и наконец позволяет вышвырнуть из себя весь сгусток негативных чувств и эмоций.

Шаг, второй, «бросок», взмах рукой, поворот, а затем ещё один и ещё… И так до тех пор, пока во мне исчезает всё плохое, гневное, до боли печальное, уступая место в сердце яркому, словно небесная звезда, светилу, впустив которое я начинаю улыбаться во весь рот. Нет… Не просто улыбаться. Я начинаю прерывисто хихикать, а уже через несколько секунд и вовсе смеяться во весь голос.

Боже! Я не верю! Я смеюсь, и мне впервые за все эти дни по-настоящему легко! Так тепло, весело, прекрасно! Неужели ко мне вернулось нечто положительное и ясное? Нечто позволяющее вновь поверить, что жизнь во мне ещё не совсем погасла.

Да, я в самом деле это чувствую. И расцветаю ещё ярче, когда, закончив танец, слышу аплодисменты десятка окруживших меня людей. Оказывается, всё это время, они молчаливо наблюдали за моим спонтанным выступлением.

– Боже… Спасибо… Спасибо, – заливаясь пунцовой краской, прикрываю лицо руками.

Пытаясь привести дыхание в норму, выслушиваю несколько приятных комплиментов и, терпеливо дождав-

шись, когда небольшая, приветливая толпа наконец разойдётся, спешу достать из сумки телефон.

Н.: *«Я сделала это, Остин, я сделала!»*

О.: *«Умница! Я в тебе нисколько не сомневался. И как? Улыбаешься?»*

Н.: *«Не то слово! Это было потрясающе! Именно то, что мне было нужно. Спасибо тебе».*

О.: *«А мне-то за что? Ты сама всё сделала».*

Н.: *«Нет… Это всё ты, Остин. Ты всегда знаешь, как поднять мне настроение. Всегда. Как ты это делаешь?»*

О.: *«Что за вопрос? Забыла? Я же гений;)»*

От переполняющей меня энергии я вся дрожу и не могу устоять на месте. Улыбка не собирается больше сползать с моих губ, но это не мешает неодолимой тоске по нему накатить на меня с новой силой.

Пальцы требуют написать Остину целую поэму о том, как сильно мне его не хватает, но знаю, что ему это совершенно не нужно, поэтому, с трудом попадая по правильным буквам, я просто отправляю: *«Как жаль, что ты меня не видел».*

Чуть больше минуты не приходит никакого ответа. Полнейшая тишина, нарушающаяся моим учащённым дыханием и бойким стуком сердца. Но она обрывается в момент, когда в нескольких метрах от меня раздается самый родной и любимый голос на свете:

– Я видел.

Глава 5

Николина

Поднимаю взор с экрана телефона на впереди стоящего парня и перестаю дышать от мощнейшего взрыва любви. Он сотрясает своей ударной волной мне все атомы в теле. Но на сей раз не разрушает их, а наоборот, в одно мгновение возвращает к жизни.

– Остин… ты здесь? – изумлённо выдыхаю я, боясь даже моргнуть, чтобы, не дай бог, не понять, что он – всего лишь сновиденье.

– Здесь, – он почему-то тоже произносит почти что дрожащим голосом и смотрит на меня с незнакомой робостью во взгляде, застыв на месте, будто бы не решается подойти ко мне ближе.

Боится? Или стесняется? А может, мне всё это просто кажется? Да, конечно, кажется. Чего ему стесняться? Я сейчас просто ничего не могу воспринимать адекватно.

– Но… Как? Ты… Ты же сказал… Что… – как, впрочем, и говорить не могу, разом потеряв способность внятно излагать свои мысли.

– Как оказалось, я не только гений, что может определить твоё местоположение по телефону, но и тот ещё врун.

Он виновато пожимает плечами, не отрывая с моего лица невообразимо зелёного взгляда. Слегка напрягает веки, закусывает губу и выглядит при этом крайне растерянным.

– Ты не рада меня видеть? – добавляет он практически шёпотом и совсем без уверенности, словно реально допускает мысль, что я не рада нашей встрече.

Он совсем с ума сошёл – задавать такие нелепые вопросы?

Я? Не рада ЕГО видеть?

Да я смотрю на него сейчас, стоящего в нескольких метрах от меня при тусклом освещении фонарей, и ничего вокруг больше не вижу, не слышу, ни о чём не думаю, лишь сквозь всю свою сущность в который раз пропускаю единственную и самую настоящую в моей жизни истину…

Вот он – мой свет. Моя душа. Моя тихая гавань.

Пусть это безответно, но зато абсолютно реально. А именно это мне и было нужно – почувствовать нечто реальное и быть полностью уверенной, что это правда. И сейчас я с изумлением любуюсь его высокой фигурой и до боли родными чертами лица, по которым скучала, как никогда прежде, и делаю это…

Я чувствую.

Буквально сразу начинаю ощущать всю ласку, нежность, трепет, страсть, любовь, что ежесекундно всё обильней заполоняют тело покалывающим током и бархатным тёплом, которое я до невозможности желаю подарить ему.

Без всяких лишних слов я подбегаю к Остину и налетаю на него с такими цепкими объятиями, что заставляют его издать протяжный, хриплый стон. Не знаю, сделала ли я ему больно, удивила или напрочь перекрыла кислород. Да и это не важно – все вопросы в моей голове вмиг теряют свою актуальность, когда его сильные руки так же крепко обхватывают меня в ответ, автоматически запуская отсчёт столь коротким, но самым счастливым секундам в моей жизни.

Секундам, когда мы вместе. Близко. Тесно. Молча. Не двигаясь. Прижавшись телом к телу, зависаем так, надеясь, что время так же зависнет вместе с нами. Точнее, на это надеюсь только я. Не хочу, чтобы он хоть когда-нибудь отпускал меня. Не хочу вновь ощущать холод, боль, одиночество, необходимость в нём. Не хочу надевать маску «лучшей подруги» и делать вид, что ничего не чувствую.

Я хочу всегда быть окутана его жаркими объятиями, в которых, помимо любви и невыразимого желания, меня охватывает чувство защищённости, душевного комфорта и бесконечного покоя. В его руках я нахожусь не просто как за каменной стеной, а как за неприступной крепостью. Ей не страшны ни враги, ни войны, ни стихийные бедствия.

Хочу прикасаться к нему и упиваться его ответными прикосновениями в точности так же, как я делаю это сейчас.

Одна его ладонь намертво приклеена к моим оголённым лопаткам, вторая осторожно забирается в волосы, перебирая пальцами мои слегка спутанные пряди. И боже, как же я хо-

чу иметь возможность приподняться на цыпочки и накрыть самые желанные во всём мире губы страстным, жарким поцелуем, в процессе которого готова задохнуться от нехватки воздуха или умереть из-за переизбытка эмоций.

– А сказала, что не соскучилась, – его теплый шёпот щекочет мне шею, напоминая, что пора бы уже загонять обратно вглубь все свои потаённые желания.

Ещё парочку секунд, ещё чуть-чуть, совсем немного, и вот я отрываю руки от его шеи, а тело – от крепкого корпуса. Только рвущиеся к нему слова удержать внутри себя у меня не получается.

– Скажи, что ты тоже по мне очень соскучился, – выдаю я чрезмерно ласковым для *просто* друга тоном.

О чём сразу же желаю, нервно прикусывая нижнюю губу.

Что ты несёшь, Николь? Соберись! Не выдавай эмоций. Он твой друг. Он твой брат. И ему не нужно ничего больше.

– Хотя о чём это я? Уверена, у тебя не было времени скучать, – добавляю будничным голосом, делая полушаг назад.

Запрокидываю голову вверх и с опаской встречаюсь с ним взглядом.

– Я скучал по тебе гораздо сильнее, чем ты думаешь, Ники, – удивляет он невероятной мягкостью в голосе и теперь вместо рук обнимает меня проникновенным взором.

Он в мгновенье ока превращает меня в ту семилетнюю девочку, сердце которой эти нефриты наполнили любовью с первых же секунд.

– Правда? – неуверенно спрашиваю я, совершенно не зная, как правильно толковать его слова.

Из-за вернувшегося ко мне сгустка эмоций в моей голове творится такой кавардак, что я не способна с точностью осмыслить – что из того, что я вижу в Остине, реальность, а что жестокая игра моего воображения, подпитанная отчаянным желанием получить от него взаимность.

Один раз я уже имела глупость воспринять его действия в совсем неверном смысле. Второй раз повторять ту же ошибку я не стану.

– Конечно, правда, малышка. Я скучал и очень переживал за тебя, ведь в тот день, когда уезжал, мне совсем не хотелось оставлять тебя одну в твоём непонятном состоянии. Я постоянно о тебе думал и надеялся, что с тобой всё в порядке.

Ну вот… Спасибо, Остин. Ты сам только что облегчил мне задачу. Ты переживал. Ты просто, как всегда, по-братски переживал за меня.

– Так с тобой всё в порядке? Я видел, что ты опять грустила.

И сейчас, когда Остин трепетно проводит тыльной стороной ладони по моей щеке к волосам, аккуратно откидывает их назад, почти незаметно касаясь пальцами шеи, он тоже просто переживает.

– Да, все в порядке. Не волнуйся. Просто неделя выдалась тяжелой.

– Расскажешь? – с неподдельным интересом спрашивает

Остин, как всегда готовясь вызываться мне на помощь.

Да только на сей раз он ничем помочь не сможет, поэтому и говорить ему о своих проблемах не вижу никакого смысла.

– Да нечего рассказывать. Всё как обычно. Те же проблемы, что и всегда. Никаких изменений, – произношу я совершенно спокойно и даже с искренней улыбкой на губах.

Я настолько счастлива видеть его, что всё остальное дерьмо в моей жизни сейчас меня нисколько не тревожит.

– Никаких? Я бы так не сказал, – его брови приподнимаются вверх, когда он опускает любопытный взгляд к моему лёгкому, короткому платью, удачно выделяющему изгибы моего тела.

Так вот оно что! Я и забыла о своём новом прикиде. Он так оторопел, потому что впервые увидел свою невзрачную сестричку-пацанку в девичьем образе? Скорее всего.

Что ж… теперь мне хотя бы ясна причина его смятения в первый момент нашей встречи, но вот почему сейчас он хмурит лоб и сжимает челюсти, словно от боли или негодования, я понять не могу. Только если…

– Тебе не нравится? – неуверенно выдаю своё предположение, пытаясь не выдавать волнения.

– Нет, – бросает ответ точно камень мне в грудь.

– Нет?

– То есть да.

– Да, не нравится?

– Нет.

– Нет, не нравится? – вконец путаюсь я.

– Черт, Ники, я не знаю, как правильно ответить на этот вопрос! – сокрушается он, ероша ладонью свои каштановые волосы.

Нервничает? Или просто не хочет меня обидеть?

– Ответь честно, даже если не нравится, я пойму и не обижусь, – помогаю ему я, хотя про себя отмечаю: он мне просто-напросто вновь сердце разобьет, если скажет, что я кажусь ему в таком виде нелепой.

– Не нравится? – шепчет тихо, будто самому себе, а я до конца не понимаю – это вопрос или утверждение?

– Так, значит, не нравлюсь? – повторяю тверже, не выдерживая нашего с ним до безумия невнятного диалога.

– Черт! – вновь чертыхается он, чуть ли не рыча. – Да нет же, Ники, я не это хотел сказать. Ты… то есть платье красивое. Очень.

– Платье?

– Ну да.

– А я некрасивая, значит?

– Что?

– Ты сказал, платье красивое.

– Да.

– А я нет?

– Нет… Точнее, да. Или нет… Да боже! Что за дебильные вопросы такие? – вновь путается он, запутывая и меня тоже. – Я имел в виду, что и платье красивое, и ты красивая…

и не только в платье… то есть без платья тоже… ну точнее, не голая, а в другой одежде… хотя голая тоже… наверное… я же не знаю… но уверен, что и тогда тоже красивая… господи!.. что я несу? – он окончательно устраивает на своей голове хаос. – В общем, я хотел сказать, во что бы ты ни была одета, ты всё равно красивая, просто потому что сама по себе очень красивая, – выпаливает он какой-то сумбур, заставляя меня потерять дар речи, а моё лицо – вспыхнуть огнём.

И мы вновь замолкаем на неопределенное количество секунд. Не дышим, не двигаемся, только смотрим друг на друга. Что вообще происходит, похоже, никто из нас не понимает, но я первая беру себя в руки и насмешливым тоном нарушаю повисшую в воздухе тишину:

– Ты определенно перенапрягся на своём собеседовании, раз выдал такую несусветную пургу, – усмехаюсь я, физически осязая, как Остин заметно расслабляется.

– Да… наверное… Всё дело в этом… Моя неделя тоже выдалась невероятно загруженной, – шумно выдыхает он, а я вмиг приободряюсь, вспоминая о самом главном.

– Боже! Остин! О чём мы с тобой вообще разговариваем? Ну же, говори – ты получил работу? Получил? – мой голос неосознанно повышается на несколько тонов.

У меня аж устоять на месте не получается от нетерпения узнать, как всё прошло. Но он не торопится делиться информацией, лишь засовывает руки в карманы джинсов, опускает взгляд в землю и ещё раз протяжно выдыхает.

– Эу… – недоумеваю я. – Ты не мог им не понравиться. Не мог… Скажи, что всё удалось, – прошу, изо всех сил пытаясь унять нарастающую во мне тревогу, пока он продолжает молчать. – Ну же, Остин, прекрати мучить меня и скажи: ты получил работу или нет? Я же сейчас последние нервные клетки растеряю. Получил? – от любопытства я придвигаюсь к нему ближе, пытаясь разглядеть его лицо, но тут он сам его поднимает, соединяя наши взгляды.

– А ты как думаешь? – отвечает вопросом на вопрос и озаряется такой широченной улыбкой, что тут же вносит всю ясность.

– Остин!!! – я не говорю, а прямо-таки вскрикиваю его имя, теперь уже прыгая на месте от счастья, будто только что выиграла миллион. – Какой же ты молодец! Я знала! Знала, что у тебя все получится! По-другому и быть не могло! Умница мой! – верезжу я как умалишённая.

И не в состоянии усмирить свою радость, рвущуюся из меня наружу в таких масштабах, словно хочет за один подход окупить своё недельное отсутствие, не сдерживаюсь и запрыгиваю на Остина с очередными медвежьими объятиями. Причём на сей раз в прямом смысле медвежьими: я обхватываю его как коала – и руками, и ногами, совершенно не понимая, что вытворяю. Так же, как совсем не соображаю, когда плотно прижимаюсь лицом к его шее, вдыхаю полной грудью любимый запах тела, зарываюсь рукой в донельзя растрепанные волосы и начинаю бережно массировать его затылок.

– Ники, – его нежный полушёпот возле моего уха пробегает вихрем сладостных мурашек по каждому миллиметру кожи, концентрируясь теплым желанием между бедер.

От удовольствия приходится задержать дыхание, чтобы не издать разоблачающий мои истинные чувства стон.

– Ты не представляешь, как я горжусь тобой, Остин, и радуюсь, что весь твой труд окупился. Ты заслужил это, как никто другой. Знаю, твой путь к мечте только начинается, но ты обязательно со всем справишься и добьешься желаемого.

– Ники, – он снова мягко повторяет моё имя.

И впервые за этот вечер до моего мозга доходит один крайне странный нюанс.

– Ники? – Придерживаясь за его плечи, немного отодвигаюсь. Смотрю ему в глаза, в зелени которых тут же теряюсь. – Ты меня так никогда не называл, – недоуменно отмечаю я, пытаясь сохранить образ сестры.

Хотя делать это становится в разы сложнее, пока наши лица находятся всего в нескольких сантиметрах друг от друга, заставляя мой пульс от трепета подскочить до небес.

– Да… Не называл… Но теперь мне хочется называть тебя именно так, – отвечает он вкрадчивым голосом в опасной близости от моего рта, даже не догадываясь, что со мной делает.

Для него наша близость ничего не значит, для меня же это настоящий вызов в виде очередной проверки своего самообладания.

– И что же изменилось? – начинаю нервно посмеиваться от сковывающего душу волнения.

Он слишком близко. Его дыхание касается моего лица, губы манят накинуться на них с поцелуем, а сильные руки до пробирающей всё тело дрожи приятно сжимают мою обнаженную попку.

Стоп! Что?!

– Вот же черт! – спохватываюсь я, вспоминая, что на мне короткое платье.

– Что такое?

– Ну как что? Похоже, мне еще нужно будет привыкнуть быть девочкой и перед тем, как что-то делать, вовремя вспоминать, что на мне нет штанов, – снова приобретая цвет рака, отшучиваюсь я и порываюсь спрыгнуть с Остина на землю.

Однако его стальная хватка на моих ягодицах не позволяет это сделать.

– Может, отпустишь? – задаю самый нежеланный для себя вопрос.

– А ты хочешь, чтобы я отпустил? – он же задает самый неожиданный вопрос из всех, что я могла представить.

Как, впрочем, и Остин: его лицо на мгновенье обретает настолько растерянное выражение, будто он и сам не может поверить, что только что спросил у меня это.

Он неторопливо описывает взглядом контур моего лица, ненадолго впивается им в губы, а затем, вернув фокус к моим

округлившимся глазам, нервно сглатывает и повторяет:

– Так ты хочешь, чтобы я отпустил тебя?

На миг оцепенев, я начинаю мелко подрагивать в его руках не только от тотального потрясения, от которого моё сердце вот-вот пробьет мне рёбра, но и потому что в голове наперекор моей воле резко всплывают чёткие обрывки *Его* слов.

…Ты – моя, Лина. Ты – моя… Никто к тебе больше не притронется! Никто! И если потребуется, я уберу с твоего пути каждого, кого посчитаю нужным…

От многократного эха низкого голоса всё волнение, шок и рой порхающих бабочек в моем животе враз улетучиваются, пропуская в центр сердца лихорадочную тревогу.

Что я вообще вытворяю?! Мне нельзя прикасаться к Остину и находиться с ним так близко. Адаму же непременно доложат обо всём, что здесь увидят. А, значит, я должна с особой осторожностью фильтровать все свои слова и действия, чтобы не поставить под удар любимого.

– Ты мне ответишь, Ники? И с тобой всё в порядке? Ты вся дрожишь, – озадаченно хмурится Остин и, плотно прижимая к себе, проводит пальцами по моей руке от плеча до самого запястья.

Кожа покрывается стаей чувственных мурашек, а от вида тревожного блеска его глаз хочется забыться и прокричать во всё горло: «Со мной всё будет прекрасно, если ты никогда не станешь меня отпускать!», но рисковать его будущим из-

за своих желаний я не имею права.

Я прочно надеваю маску «маленькой сестры» и прыскаю неудержимым смехом, заставляя Остина опешить.

– Со мной-то всё отлично, Рид, – хохочу от души, превращая боязливую дрожь тела в содрогания от смеха. – А вот с тобой явно что-то не так, – прислоняю ладонь к его лбу, якобы проверяя температуру. – Перегрелся? Что за вопросы ты мне такие задаёшь? Хочешь, что ли, до дома меня на руках тащить, чтобы весь город по дороге мой голый зад мог видеть? Нет уж, спасибо. Это ты со своими девчонками вытворяй, а меня давай на землю быстренько возвращай обратно. Я и сама дойти могу.

Мой голос обильно пропитан весельем, в то время как внутренности скручиваются тугим жгутом. Остин же так и продолжает меня держать, будто впав в лёгкую степень ступора. Мне приходится хлопнуть его по плечу и добавить:

– Давай отпускай! Кому говорю? У меня же платье задралось, а тут люди ходят.

– Да… конечно, – наконец оживает он и аккуратно ставит меня на землю. – Прости, не знаю, что на меня нашло. Я вовсе не хотел тебя смущать, Ники, – извиняется Остин слегка сдавленным голосом, а его нежное «Ники» вновь навевает абсурдные мысли, будто между нами что-то изменилось, а точнее, что-то изменилось в нём.

Но что – узнать мне, к сожалению, не светит, ведь это опасно и чревато последствиями.

– Ты не смутил, а скорее развеселил: это ж сколько у тебя девушки уже не было, раз тебе даже меня захотелось полапать? – шутливо отмахиваюсь я, подправляя слегка задранное платье, а лицо Остина начинает покрываться красными пятнами.

Чёрт! Теперь, по ходу, смутила его я. Это надо срочно исправлять.

– Да ладно, не парься ты так. Это же я. Передо мной тебе нечего смущаться. Но хватит об этом, ты лучше расскажи подробней, как прошло твоё собеседование? Мне же очень интересно.

Ещё совсем недолго помолчав, Остин глубоко вздыхает и, прочистив горло, начинает рассказывать про собеседование и множество тестов, которые ему пришлось пройти для получения этой престижной работы.

И он настолько хорошо проявил себя, что его не просто взяли в штат айтишников, а назначили руководителем крайне важного для компании проекта. Естественно, первое время за ним будет следить наставник, но всё равно. Теперь Остин будет занимать солидную должность, о которой и мечтать не мог в самом начале карьеры.

– Блин! Как же здорово, Остин! Здорово!

– Да, здорово, но теперь на мне также будет лежать большая ответственность и нужно будет работать ещё больше и усердней. Но ради нашего будущего я буду выкладываться на все двести процентов. Я сделаю все, чтобы как можно скорее

вытащить нас отсюда.

– Нас?

– Да, Ники, нас. Ты же сама знаешь, что в этом городе нет перспектив не только для меня, но для тебя тоже. Как только мне удастся освоиться на новом месте, я хочу, чтобы ты переехала ко мне, – Остин вконец обескураживает меня своим неожиданным заявлением.

Оно погружает меня в противоречивый круговорот эмоций, в котором я не могу определить, чего вертится больше – удивления, счастья, непонимания, страха или бессильной грусти, спровоцированной ясным осознанием, что этому желанию тоже не будет суждено осуществиться.

– Остин, что ты такое говоришь? Какой ещё переезд? Да и где это новое место? Ты же так и не сказал, куда ездил, – напоминаю я, в глубине души надеясь, что его новая работа находится не слишком далеко от Рокфорда.

– Я ездил в Нью-Йорк, и именно там я и буду работать, – выдаёт он, разом разбивая всю мою надежду.

Нью-Йорк…

Это же около пяти часов беспрерывной езды отсюда. Много ли это? Вроде бы нет. Но только если у тебя есть в запасе эти лишние часы на дорогу, а ни у меня, ни тем более у Остина их точно не будет, когда он приступит к обязанностям на своей новой работе. И похоже, на моём лице чётко отражаются все оттенки преждевременной тоски перед нашей с ним грядущей разлукой. Остин за секунду преодоле-

вает метры между нами и обхватывает мои щёки ладонями.

– Нет, Ники, не смей грустить. Я не оставлю тебя здесь одну, клянусь, не оставлю! Ты приедешь ко мне сразу же, как появится возможность, – он даёт мне самое прекрасное на свете обещание, но порадоваться ему я не могу.

– Ты же знаешь, что мне нельзя никуда уезжать.

– Еще как можно! И нужно! Тебя здесь ничего не держит, – категорично заявляет он, касаясь большим пальцем моего подбородка.

– Меня держит мама, Остин, я не могу её оставить, – приложив все свои волевые усилия, отрываю его руки от своего лица, надеясь, что человек Адама не успел запечатлеть этот ласковый момент на снимок, который Харт может понять превратно.

– Черт! Ники, ты опять за своё?! – резко вспыхивает Остин.

Эта тема всегда выводила его в два счета.

– Да, опять! И это никогда не изменится! Я не оставлю её с ним одну. Она же умрет без меня.

– Ни черта она не умрет! Просто наконец начнет шевелиться и думать о том, как самой зарабатывать на свое бухло и на покрытие всех долгов своего муженька-игромана.

– Остин, давай не будет об этом сейчас.

– А когда, Ники? Когда? Ты постоянно пытаешься замять эту тему, но в этот раз я не позволю тебе это сделать и не успокоюсь, пока не сумею переубедить тебя перестать и

дальше тащить на себе все проблемы этих алкашей.

– Тогда сразу говорю: можешь не тратить свои силы. Я не оставлю маму одну с этим ублюдком, и ничто на свете не сможет меня переубедить! Слышишь, Остин? Ничто! – бросаю я голосом тверже стали.

Однако весь его решительный настрой кричит о том, что он не собирается сдаваться.

Тихо выругавшись себе под нос, Остин вытаскивает из заднего кармана джинсов сложенный пополам конверт и протягивает его мне.

– Даже это?

– Что это?

– Твоя мечта.

– Что ещё за мечта, Остин?

– Открой и увидишь, – загадочным тоном интригует он, растягивая губы в мягкой улыбке.

И эта его невообразимая улыбка опять поражает меня до самого нутра.

Преисполненная скептицизмом, я неохотно вырываю конверт из его рук и тут же открываю. Вчитываюсь в написанные на листах слова и ничего не понимаю. Перечитываю ещё раз, и пальцы рук начинают дрожать. Читаю в третий – и сердцебиение учащается до сумасшедших скоростей, вынуждая наконец перевести потрясённый взгляд с бумаг на Остина.

– Это же…

– Да, – его улыбка становится ярче.

– Но это же…

– Да, – положительно кивает он и накрывает мои руки на листах своими. – Да, Ники, это официальное приглашение на вступительные пробы в «Натиду». Они пройдут в середине июня. У тебя есть ещё примерно месяц, чтобы подготовиться. Знаю, это немного, но я уверен, ты справишься. С твоим талантом у тебя есть все шансы туда попасть.

– Но… Как? Откуда у тебя это, Остин? Я же даже не посылала заявление, – выдавливаю я один из многих вопросов, кружащихся в моем ошарашенном сознании.

Я не могу поверить, что в самом деле сейчас держу в руках невероятный шанс побороться за учебное место в одной из самых престижных танцевальных академий нашей страны. Одно только приглашение на пробы дано получить лишь избранным, а тем везунчикам, которым посчастливится пройти там обучение, заведомо обеспечено грандиозное будущее в танцевальной карьере.

– За тебя это сделал я, – сообщает он таким тоном, будто это было бы так просто осуществить.

– Ты? Вот так новость! Тогда будь добр просветить меня, гений, как ты умудрился это сделать? Надел белокурый парик на голову и станцевал на камеру вместо меня?

Мой нервозно прозвучавший вопрос заставляет его рассмеяться.

– Нет, малышка, конечно, нет, ты что? С моими танцами тебя бы даже на мостовую выплясывать не позвали бы, – его

смех до невозможности сладко ласкает мой слух, но сейчас для меня куда важнее услышать от него объяснения.

Я встаю в самую строгую, выжидающую позу из всех возможных, помогая Остину быстро прекратить смеяться.

– Не смотри на меня так, словно я неандерталец. Я без шуток сделал это вместо тебя – выдвинул твою кандидатуру на учёбу, просто показав директору академии видео твоего танца.

Эти слова пробирают меня до костей мгновенным страхом. Харт же заверил, что уничтожил все следы моего выступления на приеме! Неужели что-то все-таки просочилось в сеть?

– Какое видео?! Где ты его нашел?!

Мой чересчур резкий возглас отражается хмуростью на его лице.

– В смысле где? У меня же полным-полно записей твоих выступлений – начиная со школьных времен и заканчивая сегодняшним танцем на набережной.

– У тебя сохранены мои детские танцы? – до крайности удивляюсь я, ведь даже у меня их нет.

– Все до одного.

Ничего себе! Вот это новость!

– И сегодня ты тоже меня снимал?

– Конечно. И ты была прекрасна, Ники, – он жалит в упор меня совершенно новым, прежде невиданным взглядом. – Ты всегда прекрасна в танце. А точнее… Ты и есть танец,

малышка. И это понимаю не только я, но и Дакота Уилз поняла тоже.

– Ты показал самой Дакоте Уилз мои танцы? Ты сейчас серьезно?! – от потрясения хватаюсь руками за голову и начинаю ходить из стороны в сторону, изрядно забавляя Остина своей дёрганной реакцией.

– Абсолютно. И это письмо – прямое тому подтверждение.

Мне кажется, сейчас каждая клетка моего тела состоит исключительно из шока.

– Ты хочешь сказать, что директор одной из лучших танцевальных академий, в прошлом легендарная артистка кордебалета так просто согласилась встретиться с каким-то незнакомцем, чтобы посмотреть видео с танцульками непонятно кого?

– Нет. Так просто она на это не согласилась. Естественно, когда я пришел в академию и запросил личную встречу с ней, секретарь меня в мягкой форме послала на три веселые буквы. Но когда это я соизволял так легко и просто туда отправляться? Нет уж. Я так быстро сдаваться был не намерен, поэтому пришлось караулить Дакоту у входа академии на протяжении нескольких часов, а затем следовать за ней по улице хвостом с уговорами потратить парочку минут на просмотр видео самой талантливой танцовщицы, которую только увидят стены её академии. И как ты уже, наверное, поняла – убеждать людей я определенно умею, а остальное уже твоя заслуга. Ты получила это приглашение, Ники, лишь из-

за одной любительской сьемки твоего танца. Понимаешь? А теперь представь, как ты сразишь всех наповал, когда подготовишься. Ты обязательно получишь это место, я стопроцентно в этом уверен, – и непоколебимые ноты в его голосе лишь закрепляют сказанные им слова.

А я стою как вкопанная и даже сказать ничего не могу, лишь неумолимо расщепляюсь на мелкие крупицы. Отчего? Да от всего, чего только можно: от всепоглощающей любви, от неизмеримой благодарности, от тёплого ощущения его вечной заботы обо мне и от омерзительно гадкого привкуса собственной лжи. От того, что пока я вытанцовывала полуголая на сцене, развлекая десятки разных мужиков, выполняла поручения Марка и самое страшное – ежедневно боролась с наваждениями с Адамом, Остин тратил своё время и силы, чтобы подарить мне шанс на светлое будущее, о котором я страстно грежу с самого детства.

И вот скажите – как его можно не любить? Как?!

Ему не нужна никакая магия, респектабельная внешность или многомиллионное состояние, чтобы обладать способностью пленить женские сердца. Остин сам по себе воплощение всего прекрасного, что только может быть в мужчине. Он умный, целеустремлённый, уверенный в своих силах и точно знающий, чего он хочет и как именно этого достичь. А ещё добрый, храбрый и всегда готовый отдать последнее, лишь бы помочь и осчастливить близких ему людей.

Он не только слушает, но и умеет слышать, запоминая все

разговоры до мельчайших деталей. Ему не нужно ничего говорить, Остин всегда всё знает. Знает и делает. И просить и умолять его не надо. Он делает, потому что любит. По-настоящему любит. *Пусть даже не так, как я того желаю.*

И сейчас я смотрю заворожено на самого невероятного в моей жизни человека и впервые за всю прошедшую неделю чётко понимаю одно – не важно, как глубоко в меня проникли чары Харта, а он сам – пробрался до души, моё сердце бесповоротно отдано Остину и никому не будет по силам хоть когда-нибудь это изменить.

Я люблю его. Люблю. Люблю!

И потому, когда он вновь подходит ко мне вплотную и прикасается пальцами к щеке, я ни в какую больше не могу заставить себя отстраниться, убрать его руки и сказать, чтобы ради своего же блага не смел ко мне приближаться так близко. Это выше моих сил. Выше страха перед Хартом. Выше всего мира.

– Поставь же наконец свои желания на первое место, Ники. Воспользуйся этим шансом и приезжай ко мне в Нью-Йорк. Я сделаю все, что в моих силах, чтобы к моменту вступительного танца в академии найти подходящую для нас троих квартиру.

– Троих?

– Конечно, я бабушку тоже здесь одну не оставлю. Я ей по гроб жизни обязан за то, что она губила своё здоровье, впахивая на трёх работах, пока растила меня. Я хочу дать ей

всё самое лучшее и, как только твёрдо встану на ноги, обязательно куплю ей отдельное жильё, но пока она будет жить вместе с нами. Мэгги тоже ничего в своей жизни не видела и давно мечтает посмотреть мир за границами Рокфорда. Она мне сегодня какого-то чёрта весь день названивает по пустякам – явно соскучилась очень. И я её понимаю. Она же всё время проводит в одиночестве, мы практически не видимся, даже когда я в городе, и потому я ни за что не уеду без неё. Уверен, бабушка обрадуется, когда я сообщу ей эту новость. Так же, как и за тебя она будет несказанно рада и скажет то же самое, что и я – тебе обязательно стоит попытать свои силы в «Натиде». Ты сможешь туда попасть. И скажу даже больше: тебе удастся получить и стипендию тоже. Если же нет – не беда. Нужно будет, я попрошу аванс на работе, чтобы внести первый взнос за твою учебу.

– Ты совсем с ума сошёл? – потрясённо блею я, но Остин мигом накрывает мой рот рукой:

– Ничего я не сошёл с ума! Я всё продумал. Тебе не о чем будет переживать, кроме как о подготовке к выступлению. И по поводу денег тоже не думай. Обещанная мне зарплата позволит все это потянуть. Конечно, вначале будет нелегко и нужно будет урезать расходы по максимуму, но главное – мы сможем наконец зажить так, как всегда мечтали. Поэтому прошу, малышка, хоть раз в жизни подумай только о себе, а не о ком-то другом, и согласись на моё предложение, – просит он, переходя на шёпот.

Склоняет голову ко мне, соединяя наши лбы, и если бы мой рот по-прежнему не был прикрыт его рукой, протяжный стон наслаждения выдал бы меня с головой.

– Оставь всё, что уничтожает тебя здесь день за днём, приезжай в Нью-Йорк, когда я всё для нас подготовлю, и начни там новую жизнь… *вместе со мной,* – искренне, с надеждой произносит Остин, наконец освобождая мне рот, но не убирает руку полностью, а лишь подушечками пальцев сползает по подбородку вниз, проводит по ямочке ключицы, прикладывая к моей грудной клетке свою широкую кисть.

И замирает. Вслед за ним замираю и я. А вслед за нами и наши дыхания. И только моё сердце под его рукой грохочет в неимоверном темпе, будто ещё немного и вырвется из груди на волю.

Остин его слышит? Чувствует? Понимает? И что вообще он вытворяет? Лично я ничего не понимаю, но готова душу дьяволу продать, лишь бы только продлить это как можно дольше.

– Вместе? – едва слышно выдыхаю я, пока кончик языка немеет от желания провести линию по его губам, от которых меня отделяет все пара жалких сантиметров.

– Вместе, – тут же следует его тёплое шептание у моего лица.

Оно мгновенно пропускает по всем венам чистейший, бешено пульсирующий огонь. Не мистический, туманящий разум и вызывающий нестерпимый зуд под кожей, а самый

что ни есть обычный, человеческий, реальный, что заставляет людей преисполняться жизнью и воспарять от счастья к небесам.

Но я уже имела радость полетать недавно. И, к слову, знатно так полетать. А затем так же величественно на всей скорости рухнуть на землю, превратив себя в безжизненное создание. Ещё раз я подобного не выдержу. Клянусь, не выдержу. Просто умру.

– Остин, – вместе с невесомым дуновением ветра шелестит мой тихий голос.

Я упираюсь руками в его живот с твёрдым намерением отодвинуться, но, чувствуя, как вмиг напрягаются мышцы его пресса, мной всецело овладевает лишь одно желание – нырнуть рукой под ткань его майки и ощупать каждый кубик без каких-либо помех. Но я, конечно же, этого не делаю, и мы так и продолжаем стоять с плотно прижатыми лбами, его рукой, отсчитывающей удары моего сердца, и моими сцепленными пальцами на его хлопковой майке.

Картина архистранная и неловкая для нас обоих, но ещё никогда я не ощущала себя столь правильно с ним рядом. Будто на своём месте. Дома. В своём личном безопасном укрытии, в котором могу спастись даже от сверхъестественного шторма.

Но могу ли? Могу? Есть ли у меня хоть один шанс на спасение?

Глава 6

Николина

Стоит задаться этим вопросом, как неоднократные сигналы моего смартфона на корню уничтожают всю веру в лучший исход. Врубают здравый смысл и быстро заставляют меня отшагнуть от Остина назад, а его – подозрительно нахмуриться.

– Кто это тебя так сильно хочет? – спрашивает он с любопытством, отмечая длинную череду звуков входящих сообщений.

– Не знаю… Скорее всего Эмилия, – прячу сотрясающее всё тело волнение под улыбкой и вчитываюсь в послания того, кто хочет меня крайне неадекватно для одного человека.

Unknown: *«Если»*

Unknown: *«Не желаешь»*

Unknown: *«Создать»*

Unknown: *«Проблемы»*

Unknown: *«И своим близким тоже»*

Unknown: *«Не забывай»*

Unknown: *«Кому»*

Unknown: *«Ты принадлежишь, Лина».*

От страха, близко граничащего с удушливой паникой, ме-

ня прошибает до леденящего пота. Какая же я всё-таки наивная и глупая. О чём я вообще думаю? На что надеюсь? От этого шторма мне ничто не поможет укрыться. Адам не только меня уничтожит, но и всех в моём окружении, кто попытается мне помочь.

В состоянии аффекта я начинаю беспокойно озираться по сторонам, но кроме влюблённой парочки и группы катающихся на скейтбордах подростков больше никого подозрительного не замечаю.

Чёрт бы побрал Адама! Он что, приставил ко мне невидимку? Как такое возможно, что я ни разу его даже мельком не замечала? Где он? Кто он? Как он всё видит и слышит? А может, их несколько? Ужас! С каждым днём это начинает напрягать меня всё больше – спокойствия я уже давно лишилась, но скоро лишусь ещё и ума.

– Что такое, Ники? Кого ты так выискиваешь? – тревожный тон Остина отрывает меня от поисков долбанного шпиона, а теплая рука на моём лице слегка притупляет панику, что тут же накатывает по новой, когда айфон опять начинает звенеть в моих руках.

Unknown: *«Не забывай и то, что я не буду предупреждать дважды».*

Дочитываю сообщение и шустро отрываю от себя ладонь Остина, который теперь выглядит вконец обеспокоенным моим странным поведением.

– Да что с тобой такое?! Кто и что тебе написал, раз ты

так занервничала? – он порывается вытянуть из моей руки смартфон, но к счастью, я успеваю закинуть его обратно в сумку.

– Ничего. Со мной всё нормально. Просто показалось, что кое-кого увидела.

– Кого?

– Не важно.

– А написал кто?

– Тоже не важно.

– Это ещё как понять?

– Что?

– У тебя появились от меня секреты? – его вопрос бьёт наотмашь.

Если бы только знал, Остин, если бы только знал.

– Какие секреты, Остин? Конечно, нет, – иронично усмехаюсь.

– Нет, говоришь? Тогда покажи телефон.

– Чего?

– Покажи, кто тебе написал.

– Ты прикалываешься? – вскидываю брови в удивлении, стараясь унять дрожь в коленях.

– Давай показывай, – повторяет он помрачневшим голосом и выставляет руку вперёд, всем своим видом доказывая, что он не шутит.

– Не буду, Остин. С каких это пор мы лазим по чужим телефонам? – от страха непроизвольно отодвигаю сумку по-

дальше от него.

– А с каких это пор ты мне что-то показывать боишься?

– Ничего я не боюсь!

– Тогда покажи, и закончим дискуссию.

– Нет. Я не буду ничего показывать.

– Значит, скрывать тебе всё-таки есть что?

– Нет, нечего, но я не собираюсь тебе показывать свои переписки. Не слышал об уважении к чужой личной жизни? – произношу я, и Остин резко меняется в лице.

– Личной жизни? Так у тебя кто-то появился? – его откровенное удивление задевает меня до глубины души.

– А что? Ты считаешь, на меня никто посмотреть не может как на женщину? – выплёвываю я, не скрывая обиды.

– Нет, Ники… Нет… Я так не считаю… Просто… – он ненадолго замолкает, будто не может подобрать нужных слов.

– Что просто? То, что ты привык смотреть на меня как на сестру, не значит, что другим мужчинам я не могу понравиться иначе, – воинственно скрещиваю руки на груди, хотя, по правде говоря, хочется выть белугой от досады.

– Так, значит, другой мужчина есть?

– И опять это удивление, – недовольно фыркаю я.

– Николина!

– Что?

– Отвечай!

– Может, и есть.

– Может или есть? – цедит сквозь зубы Остин.

Теперь он ещё и злиться на меня вздумал?

– Это не твоё дело, но да, есть! – бросаю я до того, как успеваю подумать.

Господи, Николь, да что с тобой такое? Тебя хлебом не корми, дай солгать, что ли?

– Не моё дело? – на выдохе изумляется он. Венка на его лбу начинает пульсировать от злости. – Это ещё как моё! Кто он?! Откуда вообще взялся?! Я его знаю?!

– Почему ты на меня кричишь? – неслабо торопею я.

– Я не кричу! – кричит он. – Давай отвечай, Николь!

– Я ни на что не собираюсь отвечать! Ты чего так взъелся, Рид? Ну появились у меня отношения с кем-то, и что?

– Отношения?!

Ох, чувствую, с каждой новой абсолютно бессмысленной ложью я распаляю его ещё сильнее.

– Так у вас что, всё серьёзно? И как давно? Кто это? Почему мне не сказала?

– Это что ещё за допрос такой? Разве я должна тебя посвящать в такое?

– Конечно, должна!

– С чего это вдруг?

– Потому что… – выкрикнув, он обрывает себя и сжимает кулаки до хруста. Несколько раз глубоко вдыхает и лишь затем продолжает: – Потому что я должен с ним познакомиться.

– Познакомиться? Ты сейчас шутишь?

Я правда надеюсь, что он шутит, потому что иначе где я опять окажусь?.. Правильно: в жопе.

– Какие шутки, бля*ь? Я хочу узнать, кто к тебе клинья подбивает!

Я хмурюсь от его наезда. Заметив это, Остин поясняет:

– Ну… это… чтобы убедиться, что он нормальный парень.

– Ещё чего придумал?! Напомни-ка мне, пожалуйста, Остин, ты хоть раз приводил ко мне на проверку своих девушек перед тем, как трахнуть? – каждое слово отдаётся колкой болью между рёбер.

– Это другое, – заявляет он, подбрасывая дров в костёр моего негодования.

– Другое? И в чём разница?

– В том, что ты девочка и я не хочу, чтобы какой-то козёл к тебе прикасался… точнее, чтобы смел тебя обижать, – нервно объясняет он, в который раз убивая меня своей излишней братской заботой.

Её из него, по ходу, никогда не искоренить. Как же я её терпеть не могу! Прямо-таки ненавижу-у-у!

– Да не девочка я, Остин! Я давно не маленькая девочка, которая не может за себя постоять! И это лишь твоя проблема, что ты всё никак не хочешь этого понять!

– О-о-о! Это я как раз таки прекрасно понял, – он окидывает беглым взглядом мой новый внешний вид. – Ты это для

него так вырядилась?

– Ни для кого я не выряжалась!

– А к чему тогда эти изменения?

– Ни к чему. Просто захотелось.

– Просто захотелось, значит, – криво ухмыляется Остин, ни капли мне не веря. – А мне просто хочется узнать твоего хахаля. Познакомь нас.

– Нет.

– Ещё как да.

– Нет, Остин, не буду, – твёрдо стою на своём.

Ведь нет, мать его, никого хахаля. Нет! И кто меня за язык опять дёрнул ляпнуть это?

– Значит, ты с ним больше не увидишься! – отрезает он, скрещивая руки на груди.

– Ты совсем обалдел, Рид? – возмущаюсь я, чуть ли не раскрывая рот от удивления.

Да, видеться не с кем, но его заявление жутко выводит меня из себя.

– Это ты обалдела! Я же о тебе забочусь в первую очередь, а ты, как всегда, споришь и упираешься. Если не хочешь нас знакомить, значит, имею смелость предположить, что с парнем что-то не так.

– Да всё с ним так, Остин.

– Тогда почему ты отказываешься представить ему меня?

– Ну потому что… – бурчу я, не зная, что придумать.

– Это не причина.

– Потому что не хочу… пока.

– А когда захочешь?

– Не знаю. Но пока не хочу. Когда будет что-то серьёзное, ты узнаешь первым, а сейчас мы лишь на стадии знакомства, – вполне правдоподобно проговариваю я, но Остин не унимается, морально давя на меня пристальным взором.

– Вот и отлично. Вы знакомитесь, и меня заодно с ним познакомь.

– Нет! – раздражение во мне достигает передела.

– Николь!

– Остин!

– Я не успокоюсь, пока не узнаю его!

– Что именно ты хочешь знать? Он не из местных бандитов Энглвуда, не связан с криминалом, на жизнь зарабатывает честным трудом, родом из обычной семьи, на несколько лет старше меня. Этой информации хватит, чтобы отстать от меня со своей чрезмерной опекой?

– Нет! Я должен проверить его лично, чтобы быть уверенным, что он достоин тебя.

– Достоин меня? Ты что, решил врубить режим строгого отца? Господи, уши мои бы это не слышали!

– Вот и не слушай, а я хочу проверить его основательно.

– Да что ты собираешься в нём *основательно* проверять? Длину члена измерять, что ли, будешь?! Так с этим я сама могу на отлично справиться! – в сердцах выплёвываю я и мигом замолкаю, наблюдая, как у Остина отвисает рот, а пра-

вое веко начинает подрагивать.

От шока? От гнева? От неверия, что это произнесла его «маленькая Никс»? А может, от всего вместе? Не знаю, но пока он одним лишь только взглядом пробивает в моём лице дыру, я успеваю уже тысячу раз пожалеть, что умею разговаривать.

– Так ты с ним уже… – не узнаю его звенящий злостью голос.

Мне становится совсем не по себе, и я решаю признаться:

– Нет! Нет, Остин! Успокойся! – склоняю от стыда голову вниз. – Пусть и это тоже тебя никоим образом не касается, но нет… У меня ничего ни с кем не было, так что отменяй свой взрыв ядерной электростанции. Это я, не подумав, ляпнула.

– А может, не подумав, сказала правду?

– Мне тебе что, справку медицинскую представить, папочка? – ехидно отвечаю я, с трудом выдерживая его свирепый взгляд.

Мы вновь замолкаем в напряжении на энное количество секунд – это, похоже, уже начинает быть нашим новым обычаем. Только на сей раз давящую на виски тишину нарушает Остин:

– Я не понимаю, в чём проблема, Ники? Я ещё с прошлой нашей встречи чувствую, что ты что-то скрываешь от меня. Или теперь уже лучше говорить «кого-то»? И я в самом деле не нахожу причин, почему ты это делаешь. Разве я когда-то от тебя хоть одну свою девушку скрывал? – его размеренно

суровый голос пробирает до костей чувством вины и сожаления.

– Нет, не скрывал, – с щемящим ощущением в груди признаю я.

Ты никогда мне не врал, Остин, а я это делаю постоянно. И как остановиться – не знаю.

– Тогда почему это делаешь ты?

– Я тоже ничего не скрываю, просто хочу немного подождать, вот и всё. Я же знаю тебя, как никого другого: ты со своим стремлением уберечь меня от всего мира попрёшь на бедного парня с расспросами, как бронированный танк, а я не вижу смысла подвергать человека подобному, пока в этом нет необходимости. Я познакомлю вас, если наше с ним общение перерастёт в нечто большее, – исподлобья смотрю на него, про себя умоляя, чтобы он, наконец, отставил в сторону эту нелепую, сотканную изо лжи тему.

– Ладно, чёрт с тобой, не хочешь – не знакомь!

И мои молитвы таки были услышаны – он сдаётся. Однако радуюсь я его отступлению недолго, потому как Остин возвращается к другому неблагоприятному разговору, что вечно доводит нас до ссор.

– В любом случае возможности превращать ваше *общение* в нечто большее у тебя не будет. Ты должна подумать о своём будущем и начать придумывать танец для поступления в «Натиду».

– Остин… – заведомо готовясь к новому спору, устало за-

прокидываю голову назад.

– Нет! Ничего не хочу больше слышать про твою маму! Всё это полнейший бред, который прочно засел в твоей голове ещё с детства. Но тебе пора от него избавляться. Причём уже давно пора.

– Ты в самом деле сейчас назвал мою маму бредом и сказал, что мне надо от неё избавиться?

– Да, именно это я и сказал! Ты не ослышалась. И если потребуется – повторю ещё сотни раз, пока до тебя наконец не дойдёт, что тебе нужно оставить этих алкашей одних и валить из Энглвуда, – крайне ожесточённо выдаёт он.

– Остин, прекрати! Ты же знаешь, что я не могу этого сделать.

– Можешь и сделаешь!

– Нет! Не сделаю! Как, по-твоему, я смогу спокойно жить, зная, что она здесь одна медленно уничтожает себя.

– Я не понимаю, как ты можешь жить рядом с ней и каждый день смотреть, как она это делает. Как же ты не поймёшь, что Юна никогда не захочет выбраться из всего этого дерьма? Её в нём всё устраивает! Она лишь тебя ежедневно затягивает всё глубже и глубже.

– Не говори так, я всё ещё надеюсь, что она захочет измениться. И я должна быть рядом, когда это случится.

– Ники, да сколько можно всю эту бредятину нести?! Что у тебя в голове творится? Ты же по жизни не наивная овечка, верящая в волшебные сказки, но почему-то, когда дело

касается твоей мамы, ты превращаешься в безмозглую идиотку, что годами позволяет сидеть у себя на шее. Нравится, когда используют и вытирают об тебя ноги? Нравится быть дойной коровой, которую никогда даже не благодарят за все её труды? Этого ты хочешь в своей жизни?

– Остин… зачем ты так? – одними губами шепчу я, глядя на его разгневанное лицо с изумлением.

Честно, сколько помню наши перепалки, подобного он мне ещё никогда не говорил.

– Как так? Жестоко? Ты это имеешь в виду? Так по-другому ты не понимаешь! Сколько раз я уже пытался достучаться до тебя по-хорошему? Сколько?!

– Много, Остин, много! Настолько, что мог бы уже наконец принять моё решение и прекратить трепать себе нервы, – бормочу я и тут же подпрыгиваю на месте от его гневного возгласа:

– Да чёрта с два я это приму!

Не успеваю ничего понять, как Остин подлетает ко мне, опускает руки на мои плечи и начинает трясти с такой силой, словно жаждет вбить в мою голову каждое слово.

– Это не решение, а просто бестолковое, никому не нужное самопожертвование. И всё ради чего? Ради кого, Ники? Ради женщины, которая, кроме бутылки и своего альфонса, никого не видит? Ради той, кому плевать на свою родную дочь? Ради той, что никогда за всё наше детство не пришла ни на одно родительское собрание и не посетила ни одного

твоего представления? Юна же даже смотреть никогда не хотела на то, какое чудо ты сотворяешь в танце!

– Не говори мне этого, – лепечу я, с каждым пройденным мгновением всё сильнее давясь комком обиды.

Но Остин, по всей видимости, лишь начинает разогреваться и совершенно меня не слышит.

– Ты хочешь жертвовать собой ради женщины, которая забыла о тебе на несколько месяцев в самый тяжёлый момент твоей жизни? Ради женщины, которая лежала и убивалась своим горем, позабыв о дочери? Оставила её тогда, когда как никогда должна была окружать любовью и заботой? Ради той, что скинула на подростка всю свою ответственность – сначала дом, оплату счетов, а в конце ещё и себя с постоянными долгами Филиппа? И ради этой женщины ты собираешься пожертвовать своими мечтами? Ты сказала, Ники, что всё ещё ждёшь, что она изменится? Что в одно прекрасное утро твоя мама проснётся с желанием вернуть всё как было? Так послушай и ты меня! Послушай правду и прими её! Она не изменится! Никогда этот день не настанет! НИ-КОГ-ДА! Прекрати же быть такой наивной дурой, Николина! Твой отец погиб почти тринадцать лет назад. Тринадцать! Не дней! Не недель! А лет! Разве это недостаточный срок, чтобы смириться с тем, что та, кем сейчас является Юна Джеймс, и есть она настоящая? Алкоголичка с многолетним стажем, которой ты совершенно безразлична, – и есть твоя мама, а той женщины, что ты столько лет отчаян-

но надеешься вернуть – её нет. Нет её, слышишь? Это всего лишь призрак, который ты не можешь отпустить. Но его нужно отпустить, Ники. Иначе рано или поздно призраком станешь ты сама, и тогда уже будет поздно что-либо делать. Прекрати гробить свою молодость ради женщины, которая того не заслуживает! Ей всегда было насрать на тебя, сейчас насрать и всегда будет насрать! Пойми же это наконец!

Никогда он ещё не кричал на меня с таким отчаянием и жаром. Никогда не смотрел столь пронзительно, гневно, остро, словно всё сказанное им хочет ещё и на коже отпечатать шрамами. И пусть взрослая часть меня понимает, что Остин абсолютно прав. Во всём. В каждом злобном слове, что он прокричал мне в лицо. Душа той маленькой, плачущей девочки, что всё ещё таится во мне, неумолимо обливается кровью, сжимаясь от агонизирующих спазмов, пробуждающих во мне демоническую сторону, которая заставляет меня прокричать:

– Может, моей маме на меня и насрать, но по крайней мере она не оставила меня ещё младенцем возле чужой двери, как ненужный кулёк с мусором, а затем не свалила в закат без всяких угрызений совести и переживаний о том, успеет ли бабушка обнаружить подкидыша раньше, чем кто-нибудь из мимо проходящих соседей! – язвительно чеканю я, мгновенно захлёбываясь своим же ядом.

Резко закрываю свой рот ладонями, с ужасом надеясь, что брошенная в порыве злости фраза испарится в воздухе, так и

не добравшись до его слуха. Но она добирается, отражаясь на лице горькой гримасой и заставляя его отшатнуться от меня.

Но я не хотела давить на его детскую рану. Даже в мыслях не было задевать его так. Эти слова о мерзком поступке его матери вылетели поневоле. Это получилось случайно, потому что он сделал мне больно, разбередив мою чувствительную зону, которую я никому не позволяю касаться. Но я не хотела этого говорить. Не хотела! О чём сразу же ему и сообщаю, поднимая на него полный сожаления взгляд.

Однако Остин не успевает ничего ответить: трель смартфона вновь прерывает нашу гнетущую паузу, лишь на сей раз звон доносится не из моей сумки, а из его кармана.

– Что опять, Мэгги?! – ответив на вызов, срывается Остин. – Ещё часа не прошло с нашего последнего звонка! Что с тобой сегодня такое?! Я же сказал, что скоро буду, и тогда поговорим! Сколько можно звонить без причины?!

Несколько секунд я слышу приглушённый, извиняющийся голосок бабушки, ощущая новую порцию вины.

– Тебе не следовало на неё кричать. Она не виновата, – блею я, когда он сбрасывает вызов.

– Знаю, чёрт побери! Знаю! Просто не сдержался! – ругается Остин, сдавливая пальцами виски.

– Покричи лучше на меня, и станет легче.

– Не буду я на тебя больше кричать, – он прикрывает лицо руками, устало выдыхая.

Я вижу, насколько взвинчено его состояние, но всё равно

хочу извиниться ещё раз.

– Остин, прости меня, я не…

– Не надо, Ники. Ты всё верно сказала. Я это заслужил.

– Никто не заслуживает услышать подобное от друга, – протестую я.

Хочу взять его руку и сжать её крепко-крепко, но не могу рисковать, лишний раз дразня Харта.

– Да уж… друга, – с грустью усмехается он. – Я тоже тот ещё *друг* – наговорил тебе гадостей неимоверных. Если кому и нужно извиняться, так это мне.

– Нет, не нужно, – досадливо поджимаю губы. – На правду ведь не обижаются.

– И тем не менее я тебя обидел… Прости за это, Ники. Твоё счастье – для меня всё, и я не хочу быть причиной твоей грусти. Но чёрт! И ты должна меня понять – не могу я больше терпеть твоих страданий. Не могу. Не хочу я такой жизни для тебя.

– Я понимаю, – бурчу себе под нос, обхватывая себя руками.

– Понимаешь, но, как всегда, не то, что надо, – сокрушённо вздыхает он, запуская руки в свои волосы. – И я не отстану от тебя, пока ты не согласишься уехать отсюда. Так и знай! Но боюсь, если мы продолжим этот разговор сегодня, я наговорю тебе ещё и не такого дерьма. Будет лучше оставить всё до завтра. А сейчас… уже вечер, мы оба устали, я несколько часов провёл в дороге, да и Мэгги ждёт меня не дождётся,

поэтому поехали домой, – произносит он, смягчив голос, но глаза по-прежнему сверкают грустью и негодованием.

Я ничего ему больше не отвечаю, лишь молча соглашаюсь и, потупив взгляд в землю, смиренно следую за ним.

Да уж… Не думала я, что наша встреча, вернувшая мне все светлые и положительные эмоции, закончится на столь печальной ноте и мы пойдём к машине в полном безмолвии, варясь каждый в своих мыслях. Точно так же проведём и весь путь до Энглвуда, даже не глядя друг на друга. И лишь подъезжая к дому, тревожный голос Остина вытянет меня из глубоких раздумий.

– Что-то случилось.

Стоит только устремить взгляд в окно, как мои лёгкие опустошаются, а кожу сковывает льдом. Я вижу возле нашего подъезда столпотворение людей рядом с автомобилем скорой помощи.

– Боже! Неужели что-то с мамой? – произношу вслух единственный страх, что порабощает всю мою сущность.

Открываю двери и вылетаю из машины раньше, чем Остин успевает до конца остановиться.

– Ники, подожди!

Слышу его возглас за спиной, но не собираюсь обращать внимания. Я должна узнать, что с мамой всё в порядке. Что это не к ней приехали врачи. Что это не её прикрытое белой простыню тело выносят на носилках из подъезда. Это не её труп повергает всех соседей в онемелый шок. Это не может

произойти со мной. Не может! В моей дерьмовой жизни не случится то, чего я пережить однозначно не сумею.

– Да подожди же ты! Я всё узнаю!

Но я не жду, а голос Остина раздаётся от меня всё дальше и тише, как и все остальные голоса людей. Они будто отдаются многократным эхом где-то вдалеке, когда я прорываюсь сквозь толпу соседей и, игнорируя возмущения врачей, срываю простыню с лица покойника.

Мгновенье – и я будто заново рождаюсь. Начинаю дышать. Слышать. Мыслить. Наполняюсь облегчением. Это не мама. Не мамино тело. Не её светлые пряди и помятое лицо. Это не она. Не она! С ней всё в порядке! Она жива!

Мне кажется, мой протяжный выдох был слышен даже на другом конце города. Однако облегчение окутывает меня недолго.

Секунда… три… пять… десять…

И все мои мышцы вновь наполняются свинцом, неконтролируемый ужас охватывает каждую клетку мозга, когда я чётко осознаю, что за мёртвый человек лежит перед моими глазами.

Этого не может быть. Не может. Не может…

И, честно, не знаю, сколько бы я так продолжала стоять, оторопело глядя в знакомое лицо, если бы моё сознание вдруг не прорезало острое, как скальпель, предположение о том, что к её смерти может быть причастен Адам.

– Что случилось?! Что с ней случилось? Говорите! Что? –

словно в беспамятстве налетаю с вопросами на одного из рядом стоящих работников скорой помощи.

– Успокойтесь, девушка! – он пытается ослабить мою цепкую хватку на своей руке, но у него не получается.

– Скажите мне, что с ней случилось?! – всматриваюсь в упор в хмурую физиономию врача, не собираясь давать ему пройти, пока он не ответит.

– Инфаркт… Женщине удалось самой вызвать скорую, но к моменту нашего приезда, к сожалению, она уже была мертва. Пришлось выламывать двери. Вы её родственница?.. – он говорит что-то ещё и вроде даже начинает задавать вопросы, но я полностью отключаюсь от его слов и во второй раз за последнюю минуту вздыхаю с облегчением.

Адам не виноват. Адам ничего не сделал. Он тиран, эгоист, мистический фрик, но он не убийца. Не убийца. Он не лишит невинного человека жизни из-за ненормальной похоти к женщине, а на моих руках не будет чей-то крови. Конечно, не будет. Как я вообще могла о таком подумать?

Тяжеленный камень вмиг спадает с моего сердца, однако радости и расслабления я не ощущаю. Лишь давно не испытываемое чувство скорби начинает нещадно сдавливать внутри мне все органы и кости.

Вновь повернув голову к умершей женщине, я чувствую, как гортань схватывают безжалостные тиски, нестерпимый жар опаляет всю область груди и шеи. Я даже не замечаю, что продолжаю крепко держаться за руку врача, до тех пор,

пока не слышу суровый голос Остина, который лишь сейчас сумел добраться до меня.

– Ники, нельзя же так. Отпусти человека, и тебе нужно отойти от…

И тут мой любимый голос мгновенно угасает. Я ощущаю, как приблизившаяся ко мне сзади фигура резко вздрагивает и сразу же замирает без движения.

Не знаю, где нахожу в себе смелость обернуться к нему, но, сделав это, устремляю взор в побелевшее, как полотно, лицо Остина и разом понимаю – нет в моей жизни никаких тревог, проблем и нерешаемых дел. Нет никого, кого стоит бояться. Нет магии и чувств, с которыми нельзя было бы справиться. Нет ничего, что сравнилось бы с той разрывающей всё нутро болью и страхом, что я считываю с его застылого лица, когда Остин достаёт из кармана телефон, по памяти набирает чей-то номер и, приложив трубку к уху, молчаливо ждёт, пока ему ответят.

– Остин… кому ты звонишь?

Обхватываю его руку дрожащими пальцами, не видя ничего вокруг, кроме его рассеянного взгляда.

– Остин, прошу… ответь… кому ты звонишь? – повторяю я, притрагиваясь ладонью к его щеке, и лишь тогда он обращает своё внимание с бездыханного тела на меня.

– Я звоню Мэгги… Она же мне буквально полчаса назад звонила… Хотела что-то сказать… А я не… Я не выслушал её… – тихо произносит Остин.

Я намертво прижимаюсь головой к его груди и обнимаю так сильно, насколько мне только хватает сил. А затем держу его в своих руках, ни на секунду не отпуская, пока он раз за разом настойчиво звонит, наотрез отказываясь принимать один неподвластный никаким исправлениям факт – Мэгги ему больше никогда не ответит.

Глава 7

С любимыми не расставайтесь!
С любимыми не расставайтесь!
С любимыми не расставайтесь!
Всей кровью прорастайте в них.
И каждый раз навек прощайтесь!
И каждый раз навек прощайтесь!
И каждый раз навек прощайтесь,
Когда уходите на миг!
(Белла Ахмадулина)

Остин

Сколько боли может выдержать один человек, не потеряв при этом здравый смысл?

Сколько грусти может испытать человеческое сердце, не остановившись?

Сколько скорби может поглотить в себя душа, после сохранив способность дальше жить и чувствовать? Смеяться? Удивляться мелочам? Радоваться новому восходу солнца? Желать достичь вершин успеха? Стремиться к совершенству? Любить, даже несмотря на то, что тебе не получить взаимности?

Именно эта вереница вопросов выстраивается в моей голове, пока я стою на кладбище под мелко моросящим дождём, смотрю, как гроб с самым дорогим мне человеком забрасывают сырыми горстями земли, и как губка впитываю в себя душераздирающие эмоции скорбящей, плачущей толпы, одетой во всевозможные оттенки чёрного.

Уверен, Мэгги бы сейчас была крайне недовольна, увидь она всю эту кучу мрачных одеяний, провожающих её в последний путь. Она никогда не надевала чёрное. В её гардеробе вообще нельзя было отыскать хоть одну серую, тусклую и однотонную вещь. Бабушка всегда говорила, что наш город и так слишком хмур и скуп на яркие, светлые краски, чтобы люди ещё добавляли ему темноты своим внешним видом. И

Мэгги безукоризненно придерживалась своих слов, облачаясь лишь в разноцветную одежду. Временами чересчур рябую, аляпистую и немного не сочетающуюся друг с другом, но всегда веселую и привлекающую к себе внимание.

Бабушка была поистине уникальным человеком с ослепительным свечением души. Про свечение я, конечно, образно выражаюсь, но что-то мне подсказывает, если бы люди обладали видимой аурой – сияние Мэгги было бы именно солнечным. Тёплым, светлым, согревающим, дарящим всем окружающим радость и надежду на то, что даже если сейчас вам кажется, будто ваша жизнь находится на самом краю пропасти, рано или поздно всё непременно изменится в лучшую сторону. Просто никогда нельзя унывать и опускать руки, а нужно только двигаться вперёд. Не бежать от проблем, а идти им навстречу, перешагивать их или разбивать своим телом. Не зацикливаться на неудачах, а извлекать из них уроки, что в последствии помогут вашему движению к намеченной цели.

И я всё это делал. Всё так, как меня учила Мэгги. Я ни перед чем не останавливался с того с самого момента, как достиг сознательного возраста, поняв, что вместо детских игр и бездумных скитаний по улицам мне нужно начать действовать для светлого будущего моей маленькой, но самой любящей и заботливой семьи.

Семьи, ради которой сутками не спал, целиком отдаваясь работе. Семьи, что заслуживала ещё долгих лет благополуч-

ной и счастливой жизни вдалеке от всей этой грязи, нищеты и преступности, из которых состоит каждый закуток улиц Энглвуда. Семьи, общением с которой я день за днём пренебрегал, в то время как стоило почаще навещать, проводить вместе время, узнавать, как прошёл её день, говорить о своей благодарности к ней и том, что нет для меня человека ближе.

Да. Я всё это должен был делать… Но не делал, даже зная, как она по мне скучает. Всё думал, что у нас ещё вся жизнь впереди насладиться вместе моими будущими достижениями. Но её нет. Ни целой жизни, ни года, ни дня, ни даже минуты, за которую я попытался бы сказать ей хотя бы малость того, что теперь будет снедать меня до конца моей жизни.

Я бы обнял её ещё раз на прощание, вдохнув родной запах ягод и корицы, ощутил её теплую ладонь на своей спине и извинился за то, что был так невнимателен, слеп, эгоистичен. За то, что после дня её нескончаемых звонков не смог догадаться, что Мэгги, словно предчувствуя приближение беды, всего лишь хотела напоследок услышать мой голос.

А что сделал я? Что? Я накричал на неё за это. Сорвался без причины, грубо, незаслуженно. Заставил почувствовать себя виноватой, а кто виноват – так это я. И дать понять ей о своём раскаянии мне тоже не светит, потому что нет её больше. Нет. Есть только последние слова, доносящиеся извиняющимся голосом из динамика телефона, которые я даже не соизволил дослушать до конца, отчего теперь они колотят по нервам, точно молот, остервенело забивающий гвозди.

Я не верил в случившееся, когда впервые увидел её мертвое тело, которое всё ещё источало остатки живительного тепла, но уже полностью лишилось всех эмоций. Мне не удалось уловить даже крупицу чувств, что Мэгги испытывала в последние секунды жизни. Она была пуста. Впитывать было нечего. Но я всё равно не верил. Как не верю и сейчас, когда обездвиженно смотрю на могильное надгробие, под которым теперь будет покоиться самый чудесный человек, пока ударная доза скорби, сожаления, боли и траурной печали всех пришедших попрощаться с ней людей пропитывает каждый уголок моего сознания.

Наверное, это покажется странным, но даже сейчас, будучи беспорядочным клубком, сплетённым из всех гнетущих, тягостных и тоскливых эмоций, что способен испытывать человек, я всё равно не плачу. Почему-то не могу. Да и это не страшно: мне хватает слёз всех друзей и знакомых Мэгги, что подходят ко мне выразить соболезнования, раз за разом лишь сильнее вываливая на меня всю гущу своих болезненных чувств.

Думаю, мне никогда не передать, каково это – не просто слышать их утешительные слова и видеть печальные лица с покрасневшими от слёз глазами, но и полностью перенимать их внутреннюю горечь. По всей видимости, потому-то мне и не плачется. Ведь чувствую я всех, кроме себя, и никак не могу это контролировать.

– Остин… ты идешь? – тихий девичий голосок разбавляет

собой мои угнетающие мысли.

Я наконец «просыпаюсь», замечая, что люди уже начали постепенно покидать могилу.

Еще раз прочитав высеченное имя бабушки на бездушной, каменной глыбе, заставляю себя перевести мутный взгляд на белокурую малышку, что все это время так же, как и я, не проронила ни одной слезинки и не отходила от меня ни на шаг, крепко сжимая мою руку своей маленькой ладошкой.

– Идешь? – повторяет она, вглядываясь в меня грустной синевой океана.

И наверное, впервые в жизни я поистине благодарен её защитной стене, что не позволяет мне нырнуть с головой в пучину её скорби. Я готов терпеть мощнейший сгусток одинаковых чувств нескольких десятков людей, но ощущать на себе боль Николины, что отражается в её зрачках, я просто не смог бы. Рухнул бы наземь прямо на этом же месте и даже не пытался бы встать.

– Куда? – с трудом выдавливаю из себя.

– Соседи устраивают Мэгги поминки. Твою бабушку все любили, и они хотят попрощаться с ней как полагается. Все вместе, – произносит Ники и проводит пальцами по моей щеке, стирая с неё дождевую влагу.

И пусть сознание утопает в грусти, телу до невыносимости приятны её трепетные касания, что заставляют моё неестественно скорбящее сердце застучать быстрее.

Её лицо тоже полностью покрыто мелкими каплями, светлые пряди волос намокли, начав сильнее закручиваться на концах. Длинные ресницы с бровями собрали на себе крошечные природные кристаллики, что делают ее внешность ещё милее.

Удивительно, как в столь неадекватном состоянии я могу подмечать такие мелочи! Но вероятно так происходит потому, что в эти тяжёлые для меня минуты её прекрасное лицо – единственное, что у меня получается по-настоящему увидеть. Оно одно теперь имеет смысл в моей жизни, который не позволяет мне поникнуть духом и сохраняет желание двигаться дальше, чтобы суметь вытащить Николину из этого унылого города, пока он с концами не поглотил её талант.

– Бабушка бы не хотела, чтобы ты оставался один, но если не хочешь, мы можем не идти. Никто тебя не осудит… Да и я же знаю, как тебе, должно быть, невыносимо находиться со всеми рядом, – продолжает заботливо щебетать моя маленькая девочка, даже не представляя, насколько сильную моральную поддержку мне оказывает одно лишь её присутствие.

– Нет, я пойду. Выдержать один день с болью утраты людей, которые любили Мэгги, – это меньшее, что я могу сделать в память о ней.

Поминки проходят в квартире миссис Кэрол – самой близкой подруги моей бабушки. В свою квартиру за прошедшие несколько дней я заходил лишь в вечер её смерти и вряд

ли сделаю это хоть раз – возвращаться в родные стены, где в воздухе витает запах бабушкиных духов, мебель пожизненно пропахла выпечкой, а на каждом углу лежат её вещи, нет ни сил, ни желания, да и в принципе необходимости тоже. Марк предлагал пожить у него, но я отказался – зависать на его постоянных вечеринках, что он устраивает у себя дома почти каждую ночь, мне совсем неохота, поэтому оставшееся время в городе, пока заканчиваю учебу, я проведу в общежитии университета, где и жил последние несколько лет.

– Остин, – из болезненного забытья меня вновь вытягивает женский голос, но на сей раз тот, что услышать вновь я уж точно никак не ожидал.

Отследив устремленный взгляд Николины куда-то за моей спиной, я оборачиваюсь и за долю секунды узнаю одну из самых красивых и важных девушек, что когда-либо были в моей жизни.

– Лара, – выдыхаю я, несколько раз моргая, чтобы точно убедиться, что передо мной стоит именно она.

– Привет.

Как всегда сногсшибательно прекрасная брюнетка в строгом, черном платье чуть ниже колена неспешно подходит ко мне ближе.

– Прости, я не успела на похороны, но заехала на кладбище чуть позже. Там кто-то оставил записку с адресом, где проходят поминки, и вот… я решила… прийти выразить мои глубочайшие соболезнования… и… просто проверить,

как ты, – тихо, с некой робостью проговаривает Лара и начинает мешкать, будто не знает, стоит ли меня обнимать или нет.

Но я беру инициативу свои в руки и обнимаю девушку сам: крепко сжимаю изящную фигурку, зарываясь носом в её чёрные локоны, глубоко вдыхая тёплый запах фруктового шампуня с выразительными нотками спелых яблок.

Да… Лара пахнет точно так же, как я и запомнил, однако даже этот дивный аромат не выбивает сквозь грусть тех трепетных эмоций, что я испытывал рядом с ней раньше.

– Откуда ты узнала?

– Марк сообщил, – отвечает Лара, отстраняясь от меня. – А я… Я не могла не прийти, даже несмотря на то, что… – заминается она, переводя свой янтарный взгляд с меня на Николь и обратно.

– Я ненадолго отойду, Остин, – сообщает Ники, явно ощутив воцарившуюся между нами неловкость, и порывается сбежать, но я останавливаю, неосознанно хватая её за запястье.

И смотрю на неё, вроде бы желая что-то сказать, а что – и сам не знаю. Ни одной буквы в голове не появляется. Понимаю лишь, что теперь только она – моя жизнь, которую я больше всего на свете боюсь потерять, и потому не желаю, чтобы она хоть куда-то отходила от меня.

– Я буду рядом, Остин, не переживай. Я просто оставлю вас пообщаться, а сама пойду побеседую с Барретом.

Ники поглаживает моё предплечье, и я заметно расслабляюсь, совсем скоро отпуская её. Перевожу внимание на Лару, тут же попадая на удочку её пристальных глаз, чей выразительный карий цвет ещё совсем недавно покорял меня до дрожи во всех конечностях.

– Так… Значит, тебе Марк позвонил? – разбавляю затянувшееся молчание, приглашая её присесть на диван.

– Нет, он не звонил, а нашёл меня в университете. Видимо, решил, что тебе нужна будет любая поддержка. Даже моя, – объясняет Лара, опуская ресницы, чтобы суметь сдержать в себе слёзы, пока в уголках её губ подрагивает грусть. – Я не знала, будешь ли ты рад меня видеть, но я не могла не прийти.

– Что ты такое говоришь? Конечно, я рад. Просто Марк мне ничего не сказал. Если бы я знал, что ты в курсе, сам за тобой заехал бы. Тебе не стоит одной появляться в Энглвуде, – беру её руку в свою, переплетая наши пальцы.

Зачем? Не знаю. Наверное, хочу попытаться почувствовать хоть что-то, кроме скорби. Хоть немного тепла, нежности, любви… Но к сожалению, ни одному из тех жарких чувств, что Лара всегда во мне вызывала, ни на градус не удаётся поднять моё поникшее настроение.

– Не волнуйся. Я приехала сюда не одна. И меня будут ждать внизу, сколько потребуется, – с осторожностью сообщает она.

И пусть это заявление нисколько не взрывает мой мозг

ревностью, я всё равно, не сдержавшись, спрашиваю:

– У тебя уже кто-то появился? – вопрос слетает с моих уст без всякого недовольства, но с заметной долей удивления.

Со дня нашего расставания прошло неполных два месяца. Хотя… чему тут удивляться? Лара во всех смыслах прекрасна. Такие девушки не бывают долго одинокими, а те счастливчики, кому повезёт заполучить её симпатию, должны быть кончеными болванами, если позволят хоть когда-нибудь ей уйти от них.

И да, приятно познакомиться, я Остин Рид – тот самый конченый болван, что допустил подобное. Но так же, как и всему остальному, ни злости, ни искреннему сожалению пока что нет места в моей душе.

– Прости… Ты не обязана отвечать на этот вопрос, – порываюсь выпустить её руку, но её тонкие пальчики сами сжимают меня сильнее, а влажный взгляд заставляет застыть.

– Я отвечу… – она судорожно сглатывает. – Мы же никогда друг другу не врали, даже в отношениях, поэтому и сейчас не хочу этого делать. Да, у меня появился кое-кто, но это не мешало мне скучать по тебе каждый день, Остин. Я честно очень скучала по нам и тому времени, что мы провели вместе. И когда я узнала что… Мэгги… Я не могла поверить… Ей же не было и шестидесяти. И она всегда была такой энергичной… Жизнерадостной. Я просто не понимаю… Она же никогда не жаловалась на здоровье. Как такое могло случиться? За что? Я не могу… Я не…

Лара не справляется со своими эмоциями, выпуская наружу водопад горьких слёз, что бурными потоками начинают стекать по её щекам вниз, покрывая ткань платья влажными пятнами.

Никогда не мог выдерживать женских слёз, и сейчас не выдерживаю. Вновь сгребаю девушку в объятия, нежно поглаживаю ей по волосам и терпеливо жду, пока она усмирит свой всплеск беспросветного унынья, в котором я буквально утопаю с головой.

– Прости… прости… я не должна, – невнятно бормочет сквозь слёзы она, прижимаясь к моей груди ещё сильнее.

А я даже ответить ничего не могу: ментальная боль вконец парализует тело, начиная трансформироваться в физическую. Я сжимаю челюсть, чтобы не застонать от мучений во весь голос.

– Прости, Остин… Я правда не хотела, чтобы так… Я пришла поддержать тебя, а вместо этого разрыдалась на твоём плече, как ненормальная. Прости.

– Прекрати, Лар! – Обхватываю её заплаканное лицо ладонями, большими пальцами стираю дорожки слёз. – Для меня много значит уже то, что ты пришла сегодня, так что извиняться тебе точно не за что, – зорко всматриваюсь в янтарные крапинки радужек её глаз, то и дело ловя пальцами её очередные слезинки.

Между нашими лицами от силы десять сантиметров, однако я не ощущаю ни намёка от прежнего накала, что был у

нас в нашу последнюю встречу, ни уж подавно того искрящегося тока, что испытывал несколько дней назад, когда держал в руках свою малышку. Лицо Ники было так же близко, как и Ларино сейчас. Но тогда я едва удерживал себя на ногах, сердце рвалось из груди, словно я без остановки пробежал не один километр, а губы покалывало от желания впиться в её рот и никогда больше не выпускать сладкий язычок из своего плена. А сейчас… Нет ничего даже близко похожего на то внутреннее землетрясение, что провоцирует во мне близость Ники. Определённо, ничего больше не осталось.

Однако так, по всей видимости, чувствую лишь я один. Уже в следующую секунду я ощущаю нежный поцелуй Лары на своих губах, на который я вдобавок ко всему ещё и отвечаю. Недолго, всего пару мгновений, но я это делаю, как полагаю, по-прежнему отчаянно надеясь укрыть себя от всепоглощающей грусти, вытянув из Лары сохранившуюся ко мне любовь. Но как только чётко понимаю, что и подобный тактильный контакт не поможет достичь желаемого облегчения, отстраняюсь от неё, заставляя девушку негромко всхлипнуть от растерянности.

– Прости… Я не знаю, как это получилось. Прости, – вновь жалобно повторяет Лара, прикасаясь пальцами к своим губам, но я её тут же успокаиваю.

– Да всё нормально. Я всё понимаю.

– Нет, прости, я это зря сделала… Просто… Мне так… жаль… Остин… Прости…

– Да успокойся же, Лар. Ты в самом деле сейчас ещё и за поцелуй извиняться собралась, глупая? – вяло усмехаюсь я и, опершись локтями на колени, устремляю озадаченный взгляд в сторону коридора, где Ники продолжает вести беседу с нашим арендодателем, время от времени поглядывая на меня.

«Получается, и поцелуй наш она тоже видела.» – мгновенно проносится в голове эта мысль, что доставляет ощутимый дискомфорт в районе сердца. Хотя, по сути, это не имеет никакого значения. Для неё не имеет… Ники ясно дала понять, что для неё я просто друг и ничего больше, а существование её загадочного парня лишь подтверждает мои выводы о том, что мне не стоит портить нашу многолетнюю дружбу своими никому не нужными признаниями.

Я просто хочу, чтобы она была счастлива. И не важно, со мной или с каким-то другим мужчиной. Клянусь, я приму любой её выбор с важной пометкой о том, что непременно поквитаюсь с каждым, кто посмеет её обидеть, и наоборот, благодарно пожму руку тому, кто подарит ей счастье, которого она поистине заслуживает. Я обязательно сделаю это, даже если сам при этом буду неизбежно погибать от печали и ревностных мучений.

Она для меня выше всего. Выше моих желаний и собственной жизни, выше неба и миллиардов звёзд на нём, среди которых одна её улыбка ослепляет меня ярче всех ночных светил и даже самого солнца.

Во загнул, да? Но подобный несвойственный мне лирический поток мыслей в последнее время частенько находит на меня, и, честно говоря, я сам конкретно от этого хренею. Но ничего не могу с собой поделать.

Николина – *особенная* девушка. И дело не только в её сильном характере или в невинно-соблазнительной красоте, которую она ни с того ни с сего решила раскрыть всему миру. И даже не в её уникальной способности скрывать свои эмоции, оставаясь для меня непостижимой загадкой, а потому что есть в ней некий притягательный шарм. Его можно заметить далеко не сразу (как это произошло со мной), но если всё же получилось это сделать, его влияние на тебя уже будет не по силам остановить.

Он будто добирается до самых истоков твоего существования, а затем прочно прорастает там своими корнями и внутривенно запускает процесс необратимых изменений, после которых стать прежним уже не удастся. И я заведомо готов назвать круглым глупцом того, кто попытается бороться с этим. Бессмысленное дело. Безнадёжное. И это рано или поздно, так или иначе, поймёт каждый, кто хоть когда-нибудь полюбит Николь.

Она меняет тебя – и с этим лучше просто сразу же смириться и подчиниться ей. Что я всецело и делаю с первых же секунд, как понял, что люблю эту девушку всей душой и сердцем.

– Я искренне рада, что ты наконец это понял, – теплый

голос Лары пробегает мурашками по коже от сказанных ею слов.

Я, что ли, свои мысли вслух сказал и не заметил этого? Не может быть такого!

– Понял что? – поворачиваю к ней голову, всё ещё надеясь, что она имеет в виду нечто иное, но её мягкая, грустная улыбка заверяет об обратном.

– Не прикидывайся, Остин. Только не со мной. Я всегда это чувствовала и сейчас вижу, как ты на неё смотришь, – подмечает она, давая понять, что мне даже говорить ничего не надо – на лице и так всё крупным шрифтом написано.

Но я все равно зачем-то прикидываюсь дураком, нервно проводя рукой по отросшим прядям.

– Чувствовала что?

– Что ты любишь её, – уверенно отвечает она и переходит на шёпот: – Не как сестру.

И смотрит на меня в упор так, что я мгновенно отбрасываю в сторону любые попытки отнекиваться и горько усмехаюсь.

– И как же ты могла это знать, если я сам это понял лишь недавно?

А теперь усмехается она, слегка покачивая головой, будто я только что сморозил какую-то глупость.

– Ты в самом деле смешной, Остин, если правда думаешь, что твоя любовь к ней появилась лишь недавно, – её заяв-

ление заставляет меня нахмуриться. – Я вообще поражаюсь, как ты – человек, что обычно видит всё до мельчайших деталей, умудрился так долго не замечать очевидных вещей? Ты мог сутками творить чудеса в своих компьютерных системах, но за столько лет вашей дружбы не смог адекватно проанализировать свои поступки и чувства к ней, чтобы понять – твоя любовь к ней уже давным-давно вышла за пределы братской.

– О чём ты? Про «давным-давно» ты явно преувеличиваешь, Лара. Пока мы были с тобой вместе, у меня даже мыслей об этом не зарождалось, ты и сама это знаешь. Поэтому не совсем понимаю, почему ты вообще говоришь подобное.

– Я говорю лишь то, что всегда замечала в вас двоих, но просто, как и любая другая влюбленная девушка, отчаянно пыталась убедить себя, что это всё мне только кажется. Но мне не казалось. Теперь я точно это вижу и осознаю. Ты всегда слишком сильно переживал за неё, заботился и оберегал от всего света. Ты мог по полдня не отвечать на мои звонки или сообщения, но каждый раз, стоило только Николине позвонить, ты отбрасывал все свои дела и отвечал ей, даже если этими делами была я. Ты неоднократно забывал о наших встречах, заставляя меня подолгу стоять и ждать тебя в разных местах города, в то время как о встрече с Николиной ты никогда не забывал, да и вообще был готов сорваться к ней незамедлительно и в любое время суток. Чего стоит один лишь твой порыв сразу после боя помчаться в клуб. Ты

был весь избитый, уставший, едва стоял на ногах, но стоило мне сказать, что Николина пошла разбираться с Марком, ты мгновенно ожил и полетел её спасать. Да и я не могу не добавить ко всему этому ещё и то, что лишь с ней ты всегда смеялся так громко и раскатисто, как никогда не смеялся со мной. Так же как и довести тебя до крайней точки кипения, когда ты был способен кулаком пробивать стены, тоже могла лишь она одна. А такие мощные чувства вряд ли способна вызвать просто сестра, не думаешь? – сдавленно спрашивает Лара, из последних сил пытаясь вновь не расплакаться.

А я даже должного чувства вины испытать не могу из-за кипящего во мне пиз*еца чужой скорби.

– Лар… Я не хотел тебя так обижать… Я даже не замечал этого. Прости. Черт! – тихо ругаюсь, сжимая зубы до скрежета. – Я точно отморозок, раз позволял себе так поступать с тобой.

– Нет, нет, Остин, я не держу на тебя обиды и ни в коем случае ни в чём не упрекаю.

– А должна.

– Нет, не должна! – протестует она, стирая с щеки предательски скатывающуюся слезинку. – И не только потому, что сейчас совсем неподходящее время для упрёков, а потому что я в самом деле не злюсь и не обижаюсь на тебя.

– Нет?

– Конечно. Ведь как можно обижаться на того, кто и сам не понимал, что вытворяет? Ты делал это не нарочно, а лишь

потому что по-другому не мог. Потому что любил её слишком сильно, даже не подозревая об этом. А на такое нельзя злиться. И я не злюсь. К тому же меня никто не заставлял закрывать на это глаза и день за днём убеждать себя в том, что ты ничего к ней не испытываешь. Я делала это сама. Добровольно. Потому что очень любила тебя и, что уж скрывать, всё ещё люблю… – её голос обрывается, чтобы явно сглотнуть слезливый комок в горле. – Люблю, потому что тебя невозможно не любить, Остин. Ты потрясающий парень!

– Лар… не говори ерунды. Потрясающие парни не доводят до слёз таких потрясающих девушек, как ты, – протестую я, прямо-таки ненавидя себя за то, что причинял ей всю эту боль и всё ещё продолжаю это делать.

– Нет, Остин. Ты правда потрясающий… Просто, к сожалению, не для меня. Но Николине с тобой, несомненно, повезло. Каждая девушка мечтает о том, чтобы её кто-то так любил, как любишь её ты, – закончив своё откровение, она бросает короткий взгляд в сторону Ники.

Она уже закончила разговор с Барретом и теперь, прислонившись к стене, печатает что-то в телефоне.

– Вряд ли Николина мечтает о таком, Лара. Может, я и понял, что люблю её совсем не так, как думал, но она по-прежнему видит во мне всего лишь брата, – констатирую я, украдкой проводя взглядом по её стройным ножкам с острыми коленками и упругими бёдрами, спрятанным под чёрной тканью юбки, что плавно переходят к тонкой талии и наглу-

хо закрытой зоне декольте.

Добираюсь до усталого, бледного лица малышки и по его выражению упорно пытаюсь понять, с кем именно она сейчас переписывается – с подругой или же своим таинственным ухажером, с которым наотрез отказывается меня знакомить?

– Ох, Остин, – протяжно вздыхает Лара, плавно приподнимаясь с дивана.

То же следом делаю и я.

Она вскидывает голову вверх, заглядывая мне прямо в глаза, смотрит чересчур внимательно, будто запоминает черты моего лица, а затем растягивает губы в мягкой улыбке и произносит:

– Ты не только потрясающий парень, но и прекраснейший пример того, как даже самые умные люди могут разом превращаться в слепых лопухов, когда дело касается женщин.

И после этих слов Лара приподнимается на цыпочки и со всей присущей ей нежностью целует меня в щеку, пока я и без проникновения в её чувства отчётливо понимаю, что именно она делает.

Лара прощается. И почему-то я больше чем уверен, что на сей раз навсегда.

Глава 8

Остин

Я думал, самое сложное испытание завершится вместе с окончанием похорон, но я ошибался. Самое сложное ждало меня после.

Да, я, безусловно, рад, что больше мне не приходиться мучиться от давящей мощи грустных чувств других людей, однако вместо этого теперь каждый день мне нужно справляться со своими собственными, что беспощадно сгрызают меня, стоит только оказаться наедине с самим собой.

И знаете, как я с ними справляюсь?

Элементарно: я сбегаю.

Да, я делаю именно то, за что Мэгги меня непременно отругала бы – сбегаю от проблемы, как трус, делая всё возможное, лишь бы ни на секунду не оставаться в одиночестве, чтобы не встречаться лицом к лицу со всем кромсающим душу месивом собственных эмоций.

Прекрасно, не правда ли? Очень по-мужски. Но не могу я иначе. Не могу! Нет во мне ни необходимой силы духа, ни времени, чтобы как следует придаться всепоглощающей печали и, так сказать, оплакать бабушкину смерть.

Каждый мой день после похорон выглядит в точности, как

предыдущий: днём – предельная концентрация на последних занятиях и экзаменах в университете, вечером я полным ходом занимаюсь подготовкой к переезду, в чём мне очень сильно помогает Марк, а ночью – спасаюсь переизбытком различных эмоций моего дотошного соседа по комнате Кевина.

И мой план по избеганию погружения в тоскливые мысли был бы абсолютно идеальным, если бы не одно но: за последние дни я совсем не виделся с Ники. Однако в свою защиту хочу отметить – не только потому, что рядом с ней меня моментально переполняет боль утраты, смешанная с идиотской небратской любовью, которая ей на хрен не сдалась, но и потому, что у Николины все дни были забиты какими-то делами. А какими – она меня не просвещала. Но мне не составляет труда и самому догадаться, что, вероятнее всего, она проводит время с не пойми откуда появившимся парнем, о котором я ни черта не знаю. И это основательно выводит меня из себя.

Я должен узнать – кто он, и должен сделать это как можно скорее, чтобы дать ему ясно понять, что она в городе надолго не задержится. Я не оставлю Николину здесь одну. И в этом я абсолютно уверен, как никогда прежде.

– Слушай, ты всё ещё встречаешься с подругой Ники? – невзначай интересуюсь я у Марка, когда мы входим в лифт здания, в котором располагается его квартира.

– Эмилией? – отзывается он, недоумённо изогнув бровь.

– У неё нет других подруг, – мой голос звучит резковато, даже немного грубо, но друг не придаёт этому никакого значения.

После смерти Мэгги он вообще спускает мне любые непроизвольные выпады в свой адрес и при этом ведёт себя со мной в своей обычной манере – непринуждённо, весело, немного похабно и нисколько не акцентируя внимание на том факте, что я несколько дней назад потерял человека, который был для меня и матерью, и отцом, и бабушкой в одном комплекте. За что ему низкий поклон, потому как бесконечная череда сочувственных взглядов и совершенно бестолковых соболезнований уже, мягко говоря, сидит в печёнках.

– Встречаюсь, а почему спрашиваешь?

Я остро чувствую в нём любопытство с весомой долей душевного трепета, что я отмечаю в нём, наверное, впервые.

Надо же, а этому божьему одуванчику действительно удалось чем-то зацепить гуляку Эндрюза.

– Хотел узнать, может, она тебе что-то говорила про парня, с которым видится Николина? – максимально спокойным тоном выдаю я, вмиг ощущая резкий скачок удивления в Марке.

– Парень? У Никс?

– Да.

– Нет, Эми ничего такого не говорила. С чего ты вообще решил, что он есть?

– Она сама сказала.

– Сама, значит? – усмехается Марк, добавляя к удивлению щепотку ехидства.

– Да.

– Надо же. И кто он?

– Откуда мне знать?! Потому-то я и спрашиваю у тебя об Эми, – вновь не сдерживаясь, рявкаю в ответ.

– Да ладно тебе, чего так нервничаешь? Эми ничего не говорила. Мы с ней Никс вообще не обсуждаем. Да и если я не ошибаюсь, последние дни они не встречались. Может, за это время у неё кто-то и появился, – с деланным равнодушием произносит он, пока любопытство и некое волнение в нём лишь набирает обороты.

Это ещё какого хрена означает?

– И ты её ни с кем не видел? Вроде бы ты говорил, что вы с ней подружились, – напоминаю я его же слова, едва справляясь с возрастающим негодованием.

– О-о-о да! Ещё как подружились, – друг расплывается в подозрительно широченной улыбке. – Можешь не верить, но пока ты был в отъезде, с Никс неожиданно произошли чудесные изменения. Она вдруг изъявила желание стать со мной *«белой и пушистой»*, а я лишь пошёл ей навстречу. Да и как тут было не пойти, когда девушка сама предлагает перемирие? Да ещё такая красивая. Твоя сестричка, как оказалось, та ещё горячая штучка, не так ли? – весело проговаривает Марк, а у меня аж лицо перекашивается.

Его «сестричка» будто режет острием по сердечной мыш-

це, «горячая штучка» – по нервным окончаниям, а тёплая волна его похоти, вызванная одним лишь упоминанием о Ники, обжигает весь низ живота.

Марк не успевает открыть входную дверь квартиры, как я схватываю его за грудки и смачно прибиваю к стенке.

– Воу! Воу! Воу! Это еще как понимать?

Тотальное недоумение – вот из чего сейчас всецело состоит мой друг-блядун.

– Только посмей к ней притронуться, я не посмотрю, что мы лучшие друзья, и кишки тебе все выпущу! – практически рычу ему в изумлённое лицо, погружая его в ещё более глубокий ступор.

– Ты чего так взъелся? Я же ничего такого не сказал! – Марк поднимает руки, призывая меня успокоиться, но я так и продолжаю грубо вжимать его в стенку.

– Не сказал, зато почувствовал красноречиво.

– Да расслабься ты. Это обычная реакция на сексуальную девушку, не более.

– Я тебе всё сказал: чтобы даже не думал к ней подкатывать. Она для тебя под запретом, понял?

– Во даёшь, братец! Тебе не кажется, что это вовсе не тебе решать, с кем Никс водиться? Мне уже становится искренне жаль бедолагу, кто посмел положить на неё глаз. Нельзя же так.

– Ты меня понял? – игнорируя его комментарий, повторяю я.

– Да понял я, понял! Даже в мыслях не было!

– Ага! Конечно, не было. Мне-то хоть не заливай. Я как никто другой знаю твою слабость к *сексуальным девушкам*, – безрадостно усмехаюсь я.

Наконец расслабляю кулаки на его майке, отодвигаюсь от него и прохожу в квартиру.

– Да ладно тебе, Остин. У меня, конечно, сестер нет, но так сильно опекать её, как по мне, уже слишком. Она давно не маленькая девочка, какой ты её воспринимаешь, и вполне в состоянии сама отшить кого угодно.

Он в самом деле сейчас встаёт на сторону девчонки, с которой всегда и пяти минут в одной компании выдержать не мог? Мне, бля*ь, сон, что ли, снится?

– Ты прям говоришь её словами, – недовольно отмечаю я.

Марк захлопывает за нами дверь и тут же валится на диван, вытягиваясь во все свои метр девяносто.

– Значит, ей ты уже тоже мозг вывернул? Теперь я даже не удивляюсь, почему она так отчаянно пытается скрыть от тебя правду.

После этих слов шкала волнения Марка заметно повышается, словно он только что сказал то, чего не должен был.

– Что она от меня скрывает? – бросаю на друга прямой, острый взгляд.

– Ну… как что? Парня своего, конечно же. Что ещё она может скрывать? – отвечает он, стойко выдерживая со мной зрительный контакт, однако его внутреннее напряжения ни-

куда не исчезает.

– Ты все-таки что-то знаешь? – не унимаюсь я, чувствуя, что он чего-то мне не договаривает.

– Да откуда мне-то знать? Я за Никс точно не слежу. У меня дела и поинтереснее имеются. Да и тебе, Остин, реально посоветовал бы не заострять излишнее внимание на её личной жизни, иначе все нервные клетки растеряешь. Не стоит за неё так печься раньше времени. Я уверен, когда у неё будет что-то серьезное, она и сама тебе обо всем расскажет.

Во второй раз он буквально цитирует слова Николины, словно сговорившись с ней. И мне всё больше начинает казаться, будто Марк и есть тот самый парень, с которым встречается моя малышка. Но такого не может быть. Не может. Не может же? Николь никогда бы не предала таким образом свою лучшую подругу, чего нельзя сказать о Марке по отношению к Эми, однако он всё равно ни за что не стал бы скрывать подобное от меня. Каким бы гандоном он ни был с девушками, как друг он у меня никогда претензий не вызывал. Ни разу!

Я шумно выдыхаю, отгоняя лишние мысли, и стираю тыльной стороной ладони испарину со лба, ощущая, как намокшая от жары майка неприятно прилипает к телу. Надо отметить, в Рокфорде впервые за долгие годы в конце весны стоит настоящий летний зной. Аж мозги плавятся. Духота стоит несусветная, а солнце после дня похорон начало ежедневно палить, накаляя город до предела.

Пока Марк зависает в телефоне, я отправляюсь на кухню налить себе выпить что-нибудь освежающего. Давно не был у друга в гостях, и потому мне сразу же бросаются в глаза разительные перемены в обстановке, а точнее, странный факт, что его обычно захламлённая квартира сверкает столь идеальной чистотой.

Никаких разбросанных упаковок от еды из ресторанов, пустых бутылок, переполненных окурками пепельниц, отсутствие грязной посуды в раковине, а все поверхности столов и пол вычищены до блеска. Даже запах, мать его, какой-то чересчур свежий, с примесью лёгкого цветочного шлейфа.

– Эмилия уже, что ли, начала жить с тобой? – бегло оглядев просторную студию, высказываю умозаключение.

К безупречной чистоте стоит ещё добавить кастрюли с приготовленной домашней едой на плите и источник приятного аромата – ваза с пышным букетом пионов на подоконнике. Их вид вновь окатывает меня дурным предчувствием, ведь мне прекрасно известно, что это любимые цветы Николины. Возможно, и Эмилии тоже?

– Чего? – оторвавшись от экрана смартфона, Марк выглядывает из-за спинки дивана.

– Эмилия уже переехала к тебе? В твоей квартире все так и кричит о присутствии женщины.

– Ах, ты про это. Нет, не переехала, просто частенько здесь околачивается.

И вот опять… фальшиво-беззаботный ответ, скрывающий под собой непонятное мне волнение. Он что-то утаивает. Но только что? С ним определённо происходит какая-то чертовщина, которая раздражает меня всё сильнее и сильнее.

Разумеется, я вовсе не считаю, что у друзей не могут быть секретов. Могут. Просто больше неопределенности и нерешенных задач я ненавижу, когда из меня делают идиота. А зудящее чувство того, что именно это сейчас и происходит, не дает мне покоя. Но Марк в самом деле никогда мне не врал. И Ники тоже. Так? Так! Поэтому мне нужно прекратить себе накручивать и выдумывать того, чего нет. Правильно? Правильно!

И именно это я и делаю все последующие дни – упрямо игнорирую навязчивую мысль о том, что Николь спуталась с Марком и просто боится сказать мне об этом. Игнорирую вместе со своей интуицией, настойчиво подсказывающей, что я всё-таки прав. Игнорирую, потому что не хочу верить, будто двое близких мне людей бессовестно врут мне в глаза, скрывая свои отношения. Игнорирую, как наивный придурок, вплоть до момента, когда по пути на сдачу итогового экзамена я в густом потоке других студентов подхожу к кафедре университета и напрямую сталкиваюсь с впечатляющей картиной, как Николина о чём-то активно общается с Марком на парковке возле его машины.

Почему впечатляющей?

Да потому что уже в следующий миг моя маленькая и невинная девочка оставляет все разговоры в сторону и, не обращая ни на кого внимания, САМА прижимается своим миниатюрным тельцем к почти вдвое большей фигуре Марка. Плавно проводит ладонями дорожку от низа его живота вверх к груди, недолго массирует ему плечи, а затем обхватывает руками его шею и с неподдельным жаром припадает своими губами к мужским, что тут же горячо ей отвечают.

Я должен прибить ублюдка прямо в эту же секунду, как ему и обещал, но вместо этого просто смотрю на страстное совокупление ртов этой лживой парочки и неумолимо превращаюсь в обездвиженный булыжник, не способный ни уйти, ни закрыть глаза, чтобы не видеть больше этой жаркой сцены.

Даже несмотря на находящуюся вокруг меня по меньшей мере сотню людей, мою грудь пробивает ревностным стержнем, прошивающим насквозь все мышечные ткани, а сердце – оно, как и я весь целиком, разом превращается в безжизненный камень, что с каждой секундой всё сильнее замедляет кровоток и перекрывает кислород в легких, заставляя меня учащенно набирать ноздрями воздух, чтобы не задохнуться своей же болью.

И хочу сказать, крайне острой болью, что прежде мне испытывать ещё не приходилось. И её главной причиной является вовсе не открытие о бессовестной лжи моих лучших друзей, и даже не вид наглых рук Марка, жадно ощупываю-

щих округлые бёдра Ники так, как на людях ощупывать не совсем прилично, а то, что я чётко видел, что именно она проявила инициативу прижаться к нему, чтобы сейчас с полной самоотдачей вторгаться в его рот своим языком.

То, что со мной сейчас творится я могу охарактеризовать двумя словами – полный пи*дец. Или же – пи*дец двойной потому, что я какого-то чёрта так и продолжаю стоять как истукан, издалека наблюдая за этим незабываемым зрелищем. И делаю это вплоть до момента, когда мои охерительные друзья наконец отрываются друг от друга, садятся в автомобиль Эндрюза и с громким рёвом мотора срываются с места, оставляя меня с накрепко вколоченными в мозг тремя чёткими и фундаментальными выводами.

Первый – нужно всегда безоговорочно прислушиваться к своей интуиции. Второй – даже самым родным людям нельзя всецело доверять. Третий и он же самый плачевный – наконец-то я впервые в жизни на собственной шкуре ощутил всю силу пресловутого и мной же неоднократно обсмеянного словосочетания – *разбитое сердце*.

И, сука, клянусь, мне больше никогда смеяться над ним не захочется.

Глава 9

Николина

Я самая худшая подруга на планете!

Да, знаю, я говорила это уже неоднократно, но не могу не повторить ещё раз! Теперь я не только скрываю от Эмилии похождения Марка, но и с целью защитить Остина всячески пытаюсь избегать с ним встреч как раз в то время, когда моя дружеская поддержка ему нужна, как никогда прежде. Уверена, он не понимает причину моего игнора, а я в свою очередь не могу даже объяснить ему, что как бы мне ни хотелось быть с ним рядом каждую свободную минуту, обнимать, поддерживать и отвлекать от грустных мыслей, сделать это я не могу. Для его же блага.

И всё из-за долбаных сообщений Харта и его невидимой слежки, что уже начинает развивать во мне паранойю. Серьёзно. У меня крыша едет не на шутку. Даже на работе я не ощущаю себя в безопасности, опасаясь, что любой из отдыхающих клиентов может оказаться человеком Адама. И я полностью уверена, что именно так оно и есть. Однако что остаётся для меня непонятным, так это почему Адам по-прежнему позволяет мне работать в «Атриуме»?

Я предполагала, что неадекватная ревность первым же де-

лом сподвигнет его отгородить меня от общения с клиентами, любыми способами заставив Эрика выкинуть меня из клуба, но этого не происходит, что, скажу честно, нисколько не радует, а наоборот – озадачивает и вынуждает постоянно пребывать в тревожном ожидании моего увольнения в любую минуту.

Но это всё, конечно, жалкие мелочи жизни, на которых даже не стоит заострять внимание, ведь первое место по пагубному воздействию на мои нервные клетки по-прежнему заслуживает моя главная заноза в заднице – Марк.

Клянусь, в моём лексиконе матерных слов не хватит, чтобы передать, как сильно я его на дух не переношу. Он достал меня настолько, что я готова лично сбросить его с тридцатого этажа его квартиры, а после отсидеть пожизненное за предумышленное убийство. И даже немаловажный факт, что Марк, в отличие от меня, безупречно выполняет обязанности друга Остина, нисколько не сглаживает мою неприязнь к нему.

Этот гад так и продолжает выводить меня своей пошлостью и вечными подколками, а его нескончаемые измены со всеми подряд без разбора настолько доконали меня, что сегодня я не выдержала его очередного поручения и сорвалась по полной программе, лишив этого кобеля секса с очередной попавшей под его обаяние девкой, тем самым взбесив его до неимоверности.

– Это какого хрена сейчас вообще было?! – разъярённо

рычит Марк, имея в виду мой враждебный выпад на улепётывающую со всех ног от нас девчонку, чья модельная фигура совсем быстро теряется в толпе студентов.

– Это ты какого хрена выдал мне сейчас?! – огрызаюсь не менее злостно. – Твоя девушка болеет и сидит весь день дома в ожидании вечера, когда ты к ней придёшь, а ты, вместо того чтобы сделать это, просишь меня передать ей лекарство и пакетик с фруктами, пока сам отправишься резвиться с другой? Пошёл к чёрту, Эндрюз! Не будет этого! Моему терпению пришёл конец!

– Твоему терпению пришёл конец? – из-за злости он повторяет мои слова почти шёпотом. – Твой страх, что ли, совсем где-то затерялся, Никс?!

– Может, и затерялся! Вслед за твоей совестью! Хотя… О чём это я? Тебе вообще неизвестно, что это такое и с чем её едят!

– Как же ты меня зае*ала! Сколько можно мне своей совестью на мозги капать?

– А сколько ты можешь обманывать Эми?

– Да в чём проблема?! Какая разница, обманываю я её или нет, если у нас всё отлично? Разве я обижаю её этим? Она страдает из-за меня? Захлёбывается горькими слезами? Нет же! У нас всё от-лич-но! – повторяет мудак по слогам, тыча пальцем мне в голову.

– Конечно, отлично! Потому что она не в курсе, что ты вытворяешь за её спиной. Но ты не думаешь, что с ней будет,

когда она узнает, в какого распутного вруна влюблена?!

– Так она и не узнает, если ты ей не проболтаешься! А ты этого не сделаешь, потому как и сама понимаешь, чем это для тебя кончится!

– Марк! Ну нельзя же так! Почему ты не можешь быть нормальным с ней? Она не заслуживает такого отношения.

– Да какого отношения, Никс? Какого? Я с ней, бля*ь, сама любезность. Что ты прицепилась? Я несколько раз уже навещал Эми во время её болезни: чай с клюквой ей заваривал, салфетки к носу подносил, термометр в рот вставлял, так что совесть моя перед ней чиста. И я не вижу ничего плохого, если в награду за своё образцовое поведение сегодня я вставлю какой-нибудь красотке кое-что другое, – на полном серьёзе выплёвывает Марк.

Мне даже в зеркало смотреть не нужно, чтобы понять, что моя челюсть только что опустилась до самой земли, а брови взметнулись до затылка.

– И не лупись на меня так. Я не понимаю, зачем нужно всё так усложнять? Эми со мной счастлива? Счастлива! Я с ней счастлив? Счастлив! И какая разница, если я попутно с кем-то трахаюсь? Это просто секс! Не устраивай из этого драму!

– Просто секс? Драму?.. Да… Ты… Ты… Чёрт! Мхм… – вместо отборной порции проклятий издаю сдавленный стон.

– Да кто я? Кто? Не тебе меня учить, ясно? Ты на себя-то посмотри сначала, Никс! Настолько уже во лжи погрязла, что мне до тебя, как до Китая!

– Интересно, из-за кого я в ней погрязла? – шиплю сквозь зубы я. – Ты мог просто ничего не рассказывать Остину, и мы продолжили бы нашу нелюбовь друг к другу на расстоянии, но нет же, нет! Взамен за молчание тебе захотелось не только поиздеваться надо мной, но ещё и заставлять врать подруге, поэтому не смей жаловаться теперь, что я выношу тебе мозги! – от переполняющей злости скрещиваю руки на груди, постукивая ногой о землю.

– Я тебя ничего не заставлял делать. Это был твой выбор. Да и вообще-то я сейчас не это имел в виду. Что ещё за парня ты выдумала, о котором Остин у меня спрашивал на днях?

Его внезапный вопрос проносится покалывающим холодом по позвоночнику.

– Что?! Он у тебя спрашивал об этом?

– Спрашивал. Причём крайне агрессивно. Ты какого хрена ерунду эту придумала?

– Почему ерунду? – бурчу я, мигом получая хмурый взгляд Марка. – Ладно. Ты прав. Ерунда это! Нет никакого парня.

– Да что ты говоришь? А то я не знаю! Зачем ты Остину наплела об этом?

– Так получилось. Нечаянно.

– Опять? Да, как я погляжу, у тебя вся ложь нечаянно получается, идиотка! – Его серые глаза помимо злости окрашиваются ещё и возмущением. – Думай в следующий раз хоть немного головой перед тем, как врать без надобности, чтобы

мне потом не приходилось изворачиваться перед другом!

– А ты тут при чём?

– А при том. Мало того, что я и так скрываю от него правду о тебе, так ещё не хватало, чтобы Остин подумал, будто твой несуществующий парень – это я. Мне на пустом месте на хрен эти проблемы с другом не нужны. Я ещё согласился бы рискнуть получить от него по лицу, если бы ты отставила свою вечную игру в этакую недотрогу, что не позволяет нашей «дружбе» вместо траханья мозгов заняться нормальным трахом, но без причины ссориться с ним я точно не намерен, – заканчивает он, меряя меня сердитым взглядом, пока моё сознание прошибает внезапным озарением.

…Если потребуется, я уберу с твоего пути каждого, кого посчитаю нужным…

Вот оно! Вот же оно!

Какая же я дура недалёкая, раз не додумалась до этого раньше! Вот же моё решение по избавлению от Марка, которое всегда было перед самым носом, а точнее, следовало по моим пятам, куда бы я ни направлялась.

«Ты же прекрасно знаешь, как можешь быстро избавиться от этого недоумка».

О да, Адам, я знаю… Мне нужно всего лишь попросить. И твоя взяла – я сделаю это прямо сейчас же. Просто немного не так, как ты того ожидаешь, но всё же обещаю, что постараюсь тебя впечатлить.

– А знаешь, Марк, тут я с тобой абсолютно согласна. На-

верное, и правда хватит с меня корчить из себя высоконравственную моралистку и стоит добиться мира с тобой другим путём, – всеми возможными силами подавив в себе злость, непринуждённо заявляю я. – Меня реально достало прислуживать тебе, а постоянные сцены твоих потрахушек и заигрываний поголовно с каждой особью с сиськами у меня уже вот тут сидят, – прислоняю ладонь к горлу. – Одно дело лишь догадываться о твоих изменах, и совсем другое сталкиваться с ними изо дня в день, поэтому ответь мне: твоё изначальное предложение за своё молчание ещё актуально? – отбрасываю волосы на одно плечо, впиваясь в парня испытывающим, томным взглядом.

– Не понял, – и его абсолютно растерянное лицо лишь дополняет сказанное.

– Ну-у-у… если я отработаю на тебе все свои навыки, что получила в «Атриуме», ты сохранишь мой секрет от Остина и отвяжешься от меня со своими поручениями и издёвками?

После этих слов его доселе побагровевшее от злости лицо моментально бледнеет на несколько оттенков.

– Чего? – вслед за лицом так же тускнеет и голос, а зрачки заметно расширяются от удивления.

Ох, могла бы запечатлеть эту оторопелую слащавую рожу, непременно сделала бы это. Не каждый день такое увидишь.

– Ты меня слышал, – прикусываю губу, игриво приподнимая одну бровь.

– Что за дебильные шутки, Никс?

– Да какие тут шутки, Марк? Ты меня так достал, что я уже готова на всё, лишь бы не видеть тебя больше, – вкрадчивым голосом заверяю я, вкладывая в него максимум убедительности.

На пару секунд прикрываю веки, чтобы натянуть на себя рабочий образ «Аннабель» и, довольно быстро справившись с этим, прижимаюсь к его крупному телу, что мгновенно напрягается от моих прикосновений.

– Я сделаю с тобой всё, о чём ты мечтаешь в своих самых смелых фантазиях. И ты знаешь, что на сей раз я не лукавлю. Ты сам неоднократно бывал в «Атриуме» и лично имел радость ощутить на себе все услуги девочек. Так вот всё то же и даже больше я готова сделать для тебя, чтобы после больше никогда не видеть.

Смелым движением руки провожу по его торсу снизу-вверх, с наслаждением наблюдая, как тотальный ступор в его серых глазах смывает нарастающим возбуждением.

А этот говнюк и вправду заводится с полуоборота, что мне только на руку.

– Я не имею ни малейшего представления, что за муха тебя укусила, но если это какой-то прикол, то отбрасывай его сейчас же. Со мной на эту тему шутки плохи, – он тихо выдыхает, когда я опускаю ладони на его плечи, совершая парочку массирующих движений пальцами по его бугрящимся дельтам, параллельно потираясь телом об него сильнее.

– Я же сказала: никаких шуток, Марк, и если не веришь,

я прямо сейчас тебе это докажу.

Не дав ему возможности даже глазом моргнуть, резко обхватываю его за шею и притягиваю к своим губам, со всем имеющимся во мне жаром начиная убеждать его в своих намерениях.

Целую Марка так, словно хочу в нём раствориться, прижимаюсь грудью к его телу, обнимаю, сгребая в кулаки ткань его майки. А он довольно быстро прекращает себя сдерживать: приподнимает меня выше, чтобы поудобнее ухватиться за ягодицы, и начинает напористо сминать их в своих лапищах.

Противно ли мне вытворять подобное с Марком? Блевать хочется. Стыдно ли мне вытворять такое с Марком на глазах у множества людей? До покрасневших кончиков пальцев. Но «Аннабель» на всё это параллельно. В ней нет ни стыда, ни моральных устоев, ни чувства собственного достоинства. В ней нет ничего, что остановило бы меня принимать язык Марка в свой рот, при этом сладко постанывая ему в губы.

И, уверяю, *Она* сыграет эту партию до конца на все сто, лишь бы сподвигнуть Харта подтвердить свои угрозы делом.

– А ты, Никс, во всём дикая, как я посмотрю, – сквозь поцелуй Марк испускает хрипловатый шёпот, когда мои резвящиеся под его майкой руки уже вовсю царапают кожу широкой спины. – Нет чтоб сразу с этого начинать. Избежали бы кучи ненужной нервотрёпки, – добавляет он, всё ближе подбираясь пальцами к моей промежности.

Но так как Эндрюзу совсем не стоит знать, что для меня наша *дикая* страсть сравнима с объятиями с придорожным столбом, я шустро перехватываю мужскую руку до того, как она успевает добраться до абсолютно сухой ткани трусиков.

– Марк, контролируй себя, мы же на людях, – напоминаю я, прекрасно зная, что, если Эндрюза не притормозить, с его неадекватностью он вполне способен отыметь меня прямо в центре города.

– Да плевать я хотел на людей!

Вот… о чём я и говорю – у этого кобеля совсем мозги отрубаются, когда кровь приливает к члену.

– Здесь вообще-то твои преподаватели могут ходить, – полушёпотом ещё раз пытаюсь вразумить Марка, когда одна его ладонь телепортируется с моей ягодицы на грудь и сжимает её сквозь тонкую материю платья.

– Ммм… Да какие на хрен преподаватели, если я наконец до твоих обалденных сисек добрался?

Продолжая впиваться в мои губы, словно изголодавшийся вампир, он начинает интенсивно массировать мне грудь своими щупальцами.

– Но тогда нам нужно подумать об Остине… Он же тоже здесь учится, не дай бог ещё увидит нас, – спустя несколько секунд нашего эффектного представления произношу последний имеющийся в запасе аргумент, почему Марку необходимо охладить своё «приподнятое настроение».

И слава богу, он срабатывает. Фух… Я прям облегчённо

выдыхаю, когда он, наконец, прекращает свой натиск на мои губы и грудь и делает шаг назад, пытаясь успокоиться. Беда лишь в том, что расслабление окутывает меня совсем недолго: сердце тут же делает кульбит, стоит только услышать его твёрдый возглас:

– Давай, прыгай в машину, мы едем ко мне!

Я перевожу на него изумлённый взор и сглатываю тошнотворный ком в горле, замечая очертания его готового к новым покорениям члена, проступающие даже сквозь плотную ткань штанов.

– Чего? Сейчас? Тебе разве на лекцию не надо было? – не знаю, как мне удаётся не проявлять в мягком голосе пробудившуюся тревогу.

В моих планах не было забегать с ним дальше второй базы, но потемневший, алчный взгляд Марка без слов даёт понять, что он останавливаться на этом не собирается.

– К чёрту лекции! Так и так собирался свалить с той девчонкой. Но ты ещё лучше, Никс. Хочу тебя сейчас же, – плотоядно ухмыляется он и, шлёпнув меня по заднице, подталкивает к пассажирской двери.

Вот же блин! Ясное дело – я не собираюсь никак ублажать мудака, однако сесть в машину всё же приходится, чтобы ещё больше подогреть мотивацию Адама от него избавиться. Я лишь искренне надеюсь, что он это сделает. И желательно, как можно быстрее. А пока мне нужно срочно придумать любую более-менее вразумительную отмазку, лишь бы не оста-

ваться с Марком наедине.

Он точно конченый придурок, если с такой лёгкостью поверил в столь резкую смену моего настроения. Не будет этого! Ничего не будет! Я сдохну скорее, чем развлекать его стану. И, Марк, будто слыша мои мысли, решает лично устроить нашу погибель – меня аж придавливает спиной к сиденью, а громкий визг раздирает горло, когда он резко срывается с места и начинает лихачить по улицам Рокфорда с такой сумасшедшей скоростью, словно за нами увязалась погоня.

– Эндрюз, ты свихнулся так нестись?! На тот свет торопишься? – остервенело держась за дверную ручку, пищу я после очередного чересчур резво совершённого Марком манёвра.

– Не ссы в компот, малышка. Тебе же не впервой со мной ездить. Должна была уже привыкнуть, – с довольной улыбкой мартовского кота отвечает он и для обгона выезжает на встречку, собирая череду возмущённых сигналов других машин.

– Так ты ещё не гонял со мной никогда! – отмечаю я и вновь взвизгиваю, когда сумасшедший на полной скорости в последний момент уходит от столкновения с автобусом.

– Ну так ты же мне такую малину предлагаешь. Нужно поспешить, а то вдруг тебя опять перекроет, и ты решишь передумать.

Невзирая на недопустимое превышение скорости, он расслабленно откидывается в кресле и заползает правой рукой

под подол моего платья, где начинает ласкать внутреннюю поверхность бёдер.

Я стискиваю зубы, мечтая с ноги врезать ему по лицу, а после отмыть с себя его отпечатки, но вместо этого отцепляю его руки от себя и плотно сжимаю колени.

– Не передумаю, Марк, поэтому руль сейчас лучше нормально обхвати и, мать твою, на дорогу смотри! – громогласно ругаюсь я, с ужасом замечая, как светофор переключается на красный и пешеходы начинают ступать на проезжую часть, а автомобиль по-прежнему летит вперед и даже не планирует останавливаться. – Марк!!! Тормози!!!

Даже сквозь свой истошный крик я слышу самый страшный для меня звук на свете, от которого мой мозг мгновенно вытягивает из глубин сознания ужасающий эпизод смерти папы. Я пугаюсь настолько, что намертво закрываю лицо ладонями и сильнее сжимаюсь в кресле. Сердце начинает набатом ухать в груди, заполняя тело парализующим страхом. Поджимаю ноги, опускаю голову вниз и неизвестно сколько сижу так сгруппировавшись, даже не улавливая момента, что мы уже остановились.

Не осмеливаюсь открыть глаза и убедиться, что мы не сбили никого из пешеходов, до тех пор, пока пространство салона не заполняется хрипловатым и до дрожи раздражающим смехом Марка. Лишь тогда я разлепляю веки и понимаю, что мы, как полагается, стоим прямо перед стоп-линией, пропуская гущу торопящихся по своим делам людей.

– Не думал я, что ты такая трусишка, Никс. Но кричишь ты, конечно, знатно. Если и на мне сейчас будешь так же кричать, то цены тебе вообще не будет. Люблю я голосистых. Ох, люблю! – мурлычет недоумок, заливаясь хохотом.

Он взрывает во мне адскую смесь гнева, в одночасье обрубая всякую связь между моим языком и мозгом.

– Идиот! Какой же ты идиот, Эндрюз! – ору я, не жалея голосовых связок. – Я думала, мы убьём сейчас кого-нибудь или сами убьёмся! Как же ты меня задрал своими закидонами! Псих! На всю голову повёрнутый! Из-за таких, как ты, и погибают невинные люди! Придурок! И развитие у тебя на уровне озабоченного подростка, раз ты повёлся на мои слова. Не получишь ты ни черта, тупоголовый олух! Не буду я кричать ни на тебе, ни под тобой, ни сзади, ни спереди! В жизни я с тобой в одну постель не лягу даже под дулом пистолета, потому что терпеть тебя не могу, кусок идиота! – чуть ли не брызжу слюной от злости, намереваясь выбраться из машины, пока светофор не загорелся зелёным, однако, к моему ужасу, ручка отказывается поддаваться и двери открыть не получается.

– Кто здесь кусок идиотки, так это ты, Никс! – Его крупная лапа грубо сжимает мои волосы у корней и притягивает моё лицо к своему разгневанному.

Я упираюсь руками в его грудь, желая отодвинуться, но мои запястья также без труда окольцовываются пальцами Эндрюза.

– Сколько ты уже можешь тягаться не в своей весовой категории? А? Сколько? Так и знал, что ты что-то задумала, не понимаю лишь, на кой чёрт ты весь этот цирк устроила, да и, если честно, понимать не хочу! У тебя самой в мозгах каша манная, которую *уй расхлебаешь даже ты сама! Но тем не менее я тебя предупреждал, что со мной на эту тему шутки плохи. Теперь я тебе покажу, чем всё кончается для маленьких стерв, что сначала возбуждают мужиков, а потом планируют слинять, не удовлетворив их. Ненавижу таких баб, поэтому проучу тебя, *сука тупая*, чтобы думала в следующий раз, когда захочешь повторять подобное с кем-нибудь другим, – шипит он мне в рот и следом набрасывается на него с болезненным поцелуем, продолжая крепко удерживать меня за затылок, чтобы голову не смела от него отодвигать.

Но в этом нет никакой необходимости. Держать меня, я имею в виду, абсолютно не нужно – я сама никуда не отодвигаюсь от Марка, не сопротивляюсь его властвующему во мне языку, не вырываю руки из его хватки, не кричу и даже не скулю. Не потому, что я вдруг резко закайфовала от его прикосновений, а просто потому что я будто отрубаюсь от всех ощущений и его грубых терзаний, пока в моей голове, словно бой колоколов, гудят *Его* слова из недавних воспоминаний:

…Просто назови свою цену, сука тупая! Полмиллиона, миллион, два? Столько хочешь за каждый месяц? Или за неделю? А может, установи мне свою суточную ставку!..

…Не нужны мне твои капризы… Я говорю – ты молча

выполняешь и получаешь за это деньги!..

…Кроме сверхъестественного желания, что ты отражаешь на мне, больше ничего нет. Только это. Несколько месяцев вся твоя жизнь – это только я и никто и ничто больше, а после – мы мирно расходимся и делаем вид, словно никогда и не были знакомы…

Ничего нет, Лина… Только это. Только это. Только это…

Вся поверхность кожи полностью немеет, в то время как внутри свирепеет шторм, обуявший огнём все части тела и напрочь выбивающий все пробки в голове. Его низкий голос буквально разрывает мне слух и застилает глаза туманной поволокой, заставляя верить, будто Адам находится не в подкорке сознания, а рядом со мной в автомобиле.

Я всеми фибрами души ненавижу его сверхъестественное влияние, что ежедневно мучает меня даже на расстоянии. И единственное, чего поистине желаю – это наконец избавиться от этого обмана, но мышечная память – та ещё сука – мгновенно реагирует на его мнимое присутствие, собирая добрую часть крови во мне в горячую спираль, стремительно закручивающуюся между моих бёдер.

Но это всё неправда. Нереально. Я просто схожу с ума.

Адама здесь на самом деле нет, а только манящее видение, в котором он, так же как и в каждом сне, путает мне мысли, заставляя тело верить в правдивость прикосновений его рук.

Они несколько секунд назад жадно ощупывали мою грудь, чуть ли не разрывая платье, а сейчас юрко забираются под

тонкое кружево белья и прикасаются к предательски увлажнившейся плоти, а его губы на мгновение отрываются от моих, чтобы произнести своим пленительно-низким баритоном:

– А ты точно в край лживая сучка. Всё кричишь, ругаешься, дерёшься, а на деле течёшь, как голодная кошка. Не так уж я тебе не нравлюсь, да, Никс? – спрашивает «Адам» возле моего рта, заглядывая в душу своими чёрными агатами.

Но это не они. Не его глаза. Тот же мрак и чернота, но его зрачки на сей раз не горят привычным пламенем, аура не источает незримые флюиды, проникающие под кожу жалящим огнём, а ноздри не щекочет его манящий запах кожи.

Нет этого. Ничего этого нет. А значит, это не он сидит передо мной, в любой момент готовый на меня наброситься.

Ещё мгновенье – и я полностью выплываю из очередной галлюцинации. За секунду до того, как в мой рот вновь яростно врывается наглый язык, вместо Адама я вижу злостно-иступленное лицо Марка и тут же морщусь в отвращении, осознавая, что это именно его пальцы сейчас вовсю пляшут между моих ног.

Мне становится настолько мерзко, что я мгновенно возвращаю себе силы сопротивляться: не жалея мудака, вонзаюсь зубами в его губы и мощно бью кулаками до тех пор, пока он не отстраняется.

– Чёрт! Вот же сука! – ругается он, прикасаясь к повреждённой губе. – Опять за драки принялась? Ты думаешь,

это меня остановит? Ты таким поведением лишь усугубляешь свою участь, Никс, – и его пепельные глаза, пугающие азартной яростью, полностью отражают его жестокие планы на мой счёт.

– Открой двери, Марк! Быстро! – кричу я, дёргая за ручку в тщетных попытках выбраться наружу.

– Выход нужно заслужить! – хищно улыбается Эндрюз, начиная расстёгивать пряжку на ремне, а вслед за ней – ширинку.

Он совсем сдурел? Собирается изнасиловать меня прямо в машине, стоя на светофоре посреди улицы? Хотя чему я ещё удивляюсь, глупая? Он же ненормальный, полоумный, похотливый кобель. От него и не такого можно ожидать.

– Марк! Прекрати! Ты этого не сделаешь! Я всё расскажу Остину! – мой крик превращается в хрип, когда он приподнимается и приспускает с бёдер штаны сразу вместе с боксёрами.

Матерь божия! От созерцания картины его выпрыгнувшего из-под ткани члена мой желудок вмиг судорожно сжимается.

– Остину? Ну давай! Вперёд! Я ему тоже до хрена всего расскажу, и тогда посмотрим, кому из нас он поверит! – выплёвывает он.

И я без колебаний верю в его угрозы, прямо-таки чувствуя, как меняюсь в лице.

– Вот и славно, вижу, ты и сама поняла, что шансов на

то, что он поверит тебе, никаких нет. Так что завязывай сопротивляться. Сама же начала это и, как оказывается, очень даже не против потрахаться, – ехидно ухмыляется сволочь, показывая мне влажные пальцы, что только что побывали во мне.

– Ты всё неправильно понял, – только и всего выпаливаю я.

А что мне ещё остаётся сказать? Что моё неконтролируемое возбуждение вызвал мираж наглеца, которого я так же, как и Эндрюза, хотеть не должна? Он мне точно не поверит. Как, впрочем, не верит и сейчас.

– Слушай, прекращай уже ломать комедию и отпираться – я же лично проверил, какая ты мокрая. Что тут ещё понимать? Завязывай врать и давай иди сюда, – мудак начинает тянуть ко мне свои длинные руки, чтобы перетащить к себе на колени.

Я намертво прижимаюсь спиной к двери и в стремлении защититься порываюсь лягнуть его с ноги, однако сделать это у меня так и не получается – уже в следующий миг нас обоих сильно поводит в сторону от внезапного удара в зад машины.

Марк корпусом бьется об руль, заставляя автомобиль продолжительно засигналить, а я влетаю плечом в приборную панель и расцарапываю до крови локоть.

Дыхание перехватывает от страха и непонимания, а повреждённая рука начинает болезненно саднить, но всё это

ерунда на фоне того, что мог сотворить со мной Эндрюз.

– Да что же это за день такой?! – сокрушается он, пару раз ударяя по рулю и шустро возвращая штаны на место.

Впервые я вижу, как черты лица этого сладкого мальчика заостряются настолько, что проявляют на скулах чёткое очертание желваков.

– Ты, бля*ь, точно только проблемы собой приносишь, идиотка! – яростно добавляет он, явно желая испепелить меня одним лишь только взглядом.

Но, к счастью, вместо неминуемой кары я слышу спасательный щелчок открывающихся дверей. Шумно выдыхаю, наблюдая, как Марк, отборно матерясь, выходит из машины и сталкивается с другим участником аварии, с которым с лёту начинает выяснять причину происшествия на повышенных тонах.

Не теряя и секунды драгоценного времени, я тоже выбираюсь из салона и тут же замечаю знатно разбитый бампер старенького Chevrolet, а сразу после – крупную, смуглую фигуру своего спасителя, что столь вовремя влепился в нашу машину.

Мужчина лет тридцати, судя по акценту – латиноамериканец в обычной спортивной одежде и с кепкой на голове, из-под которой небрежно торчат тёмные волосы.

И вроде бы, ничем не примечательный житель Рокфорда, да только его стальной, цепкий взгляд быстро сменяет мою признательность за спасение на леденящий страх, пробира-

ющий всё тело до озноба.

Так нормальные люди не смотрят. Только маньяки. Или сталкеры, что в моём случае более вероятно.

Откуда такие мысли? Да просто триллеров в детстве немало насмотрелась и там такие сковывающие всё нутро взгляды злодеев видела неоднократно.

Можно было бы, конечно, списать всё на недавно заработанную паранойю, но мои на первый взгляд абсурдные предположения приобретают здравый смысл, когда уже через пару секунд незнакомец, не обращая особого внимания на активно жестикулирующего Марка, едва заметным движением головы приказывает мне свалить.

Что я без какого-либо желания препираться и делаю: с бурлящей внутри меня смесью страха и удовлетворения линяю с места происшествия и даже ни разу не оборачиваюсь назад.

Не знаю, что Адам сделает с этим говнюком, но я от всей души загадываю, чтобы Эндрюз получил по заслугам. И нет, мне нисколечко его не жалко. Психа давно следовало поставить на место, а то из-за ощущения вседозволенности и абсолютной безнаказанности, которые гарантируют ему деньги папочки, он совсем слетел с катушек.

Миссия выполнена, Николина, в этот раз ты в самом деле можешь себя похвалить. Мерзкие облизывания с Эндрюзом и второе чуть было не свершившееся изнасилование в твоей жизни всё-таки принесло свои плоды: ты нако-

нец имеешь представление, как выглядит твой преследователь-невидимка, и самое главное – Марк какое-то время не сможет отравлять тебе жизнь.

Смакуя долгожданную победу, шаг за шагом по пути домой я всё больше выпускаю из себя боязнь, тревогу и тошноту после близости с похотливым мудаком и неосознанно расплываюсь в улыбке, вызванной приятным и крайне поразительным вопросом – неужели в моей дерьмовой жизни наконец-то стало хоть на одну проблему меньше?

Глава 10

Николина

Уже на следующее утро весь интернет взрывается сенсационной новостью об аресте единственного сына Гарри Эндрюза – владельца одной из крупнейших машиностроительных компаний и весьма важной персоны города, что на протяжении нескольких десятков лет играл существенную роль в развитии и процветании Рокфорда.

«Известному своим пагубным образом жизни Марку Эндрюзу предъявлены уголовные обвинения в возможном распространении нелегальных наркотических веществ, партия которых была случайно обнаружена в багажнике его автомобиля во время разбирательств дорожно-транспортного происшествия…»

Продолжая вчитываться в статью на очередном новостном сайте, я не могу сдержаться от торжествующей улыбки, несмотря на уверенность в том, что влияние его отца быстро поможет вытащить Марка из тюрьмы. Мне всё равно – даже если у меня в запасе имеются всего лишь несколько дней отдыха от него – это уже счастье, которым я буду безмерно наслаждаться. А точнее, каждый день буду как следует высыпаться и в более спокойной атмосфере справляться с дру-

гими насущными проблемами.

И самой главной из всех является Остин, чей телефон я не устаю разрывать звонками с момента как проснулась сегодня.

Пусть мне стоит избегать встреч с ним, но я должна хотя бы узнать о его состоянии, поддержать издалека, выяснить, как прошёл его заключительный экзамен, и просто поговорить на любую возможную тему. Что угодно, лишь бы только услышать его голос. Однако по какой-то непонятной мне причине впервые в жизни Остин не ответил ни на один из моих десятков звонков.

Этот факт заставил меня запереживать не на шутку и, наплевав на непрерывную слежку, отправиться к нему в общежитие, где я столкнулась с его соседом по комнате. Кевин сообщил, что Остин вчера лишь зашёл оставить вещи после экзамена и куда-то ушёл, так и не вернувшись обратно.

Спешить мне особо было некуда, поэтому я решила дождаться его прихода, чтобы убедиться, что с ним всё хорошо, однако просидев на скамейке у главного входа здания несколько часов, мне так и не удалось его встретить.

Странное, неблагоприятное чувство в груди начинало постепенно обостряться. В желании не превращать его в настоящую панику, все полдня, проведённые в ожидании, я также рассматривала ещё два варианта, где может пропадать Остин: либо он поехал на квартиру Мэгги, либо вновь проводит время вместе с Ларой, ведь в день похорон мне были

прекрасно видны их близкие разговоры и трогательный поцелуй, наглядно доказывающий, что между ними до сих пор ещё не всё закончено.

И совершенно не важно, что за чувства мне померещились в новом, странноватом отношении Остина ко мне, при виде их вместе я ещё раз чётко осознала – Лара всегда была и будет для него важнее меня. А раз уж я ещё и без объяснений игнорировала его несколько дней подряд, не удивлюсь, если он нашёл поддержку в её компании.

Но как бы мучительно мне ни было даже в мыслях допускать вероятность их воссоединения, когда я не застаю Остина и у него дома тоже, именно за этот домысел я отчаянно цепляюсь, чтобы не врубить аварийную тревогу и прямо сейчас не побежать в полицейский участок для подачи заявления о его пропаже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.